Ольга Голубцова

Любовь по ленд-лизу

Ольга Голубцова

ЛЮБОВЬ ПО ЛЕНД-ЛИЗУ

Документальная повесть
о судьбах женщин, друживших
с иностранцами

Малоизвестные страницы истории Второй мировой войны

Архангельск • 2007

УДК 947 (470.11) (093.3)
ББК 63.3(2) 622.9–2,013+63.3(2Рос-4Арх-2Архангельск)622,013
Г62

Голубцова, Ольга Валентиновна

Г62 Любовь по ленд-лизу: док. повесть о судьбах женщин, дружив-ших с иностранцами/ Ольга Голубцова. – 207 стр.: ил. – (Малоизвестные страницы Второй мировой войны). (Жесто-кие судьбы). – ISBN 978-5-85879-368-7

Документальная повесть о судьбах советских женщин, дру-живших с иностранцами, прибывавшими в северные порты СССР с караванами судов по ленд-лизу в годы Великой Отечественной войны.

Этой книгой автор Ольга Голубцова открывает серию «Жес-токие судьбы», в которой выйдет еще две повести: «Жизнь пос-ле жизни» (о судьбе Марины Прусаковой-Освальд, русской жены Ли Харви Освальда, «убийцы» президента США Джона Кеннеди) и «Затепли свечу…» (условное название) о последней бестужевке России Ксении Гемп.

УДК 947 (470.11) (093.3)
ББК 63.3(2) 622.9–2,013+63.3

ISBN 978-5-85879-368-7

© Голубцова О.В., 2007
© ОАО «ИПП «Правда Севера», 2007

Светлой памяти моих родителей,
мамы и папы – Келаревых
Евдокии Николаевны,
простой русской женщины,
в полной мере испытавшей все тяготы и
лишения военного времени, и
Валентина Васильевича,
радиста Советской Армии,
прошедшего через горнило боев,
посвящаю свой многолетний труд...

Lend-Lease – система передачи взаймы или в аренду вооружения, стратегического сырья, продовольствия и т. п. странам – союзницам по антигитлеровской коалиции в период Второй мировой войны.

ОСКОЛКИ СУДЕБ

Две вечных подруги – любовь и разлука – дарят поистине замысловатые сюжеты на фоне великой войны. Они и стали темой журналистского расследования, которое превратилось в документальную повесть о трагических судьбах девушек-северянок, которые в годы Великой Отечественной войны дружили с английскими и американскими военными моряками.

Позднее русские возлюбленные иностранных моряков сурово поплатились за свою любовь. Они прошли через тюрьмы, лагеря, презрение окружающих.

Малоизвестные страницы истории Второй мировой войны – любви по ленд-лизу – ложились вначале на газетную полосу, в первую очередь северодвинской городской газеты «Северный рабочий». В год 60-летия Победы над фашизмом очерки выходили в журналах, в документально-художественном альманахе «Шолохов-Победа», в газете «Совершенно Секретно». Увидела свет отдельная книга под названием «Военная любовь по-английски», и рецензию на нее опубликовала влиятельная английская газета «The Independent». Информационные сюжеты этой теме посвятили основные каналы Центрального телевидения России и телекомпании Великобритании ВВС. Кинокомпания «Совинфильм» по мотивам книги сняла фильм «Виза на любовь», а московский художник Константин Худяков создал выставку инсталляций «Омут», которая демонстрировалась в московском ЦДХ и в Лондоне. В каждом из этих творческих проектов я работала, про-

пуская через себя всю боль и грусть воспоминаний очевидцев и участников драмы.

Российско-британский роман. Эта тема, как самая острая заноза кровоточит в моем сердце уже больше десяти лет. То рана зарубцуется, то вновь начинает сочиться…

На пике боли я пишу эти строки. Но я счастлива, что успела познакомиться и подружиться с этими милыми барышнями на излете их жизни. Я благодарна им за то, что они дали мне умение даже в самых грустных мотивах слышать оптимистические нотки. И пока жива память сердца, в душе поседевших от горя и разлук девочек будет звучать военный вальс любви.

Говорят, любовь укорачивает войну, и наверняка это так.

Зоя Бредихина за «преступную» связь с Брайном дон Хатсоном незаконно лишена свободы сроком на 8 лет. Елена Иванова, родившая сына Эдварда от Эрика Кемпбелла, приговорена к лишению свободы сроком на 10 лет. Людмила Хохлина, официально оформившая брак с английским офицером Питером Сквайром, репрессирована и провела годы в застенках. Из-за любви к Томасу МакАдаму, подарившему ей сына Стива, Лина Панфилова, как «социально опасный элемент», сослана в Красноярский край сроком на 10 лет. Валя Иевлева, родившая дочку Бэллочку от Уоррена Боусли, незаконно осуждена к лишению свободы сроком на 6 лет с поражением в правах на 3 года. Лишь чудом не расстались со свободой Вера Цируль, дружившая с Джимми Моррисоном, и Зина Кузнецова, подруга Билла Лоуза.

Кто они, эти девочки, дружившие в годы войны с бравыми иностранцами? Изысканные красотки? Кисейные барышни? Роковые ветреницы? Десятки телефонных звонков раздавались в моем кабинете: «Что ж вы так? О чем пишете? Мы ковали победу, стояли у станка, а эти… пели и плясали. Подумаешь, геройство!»

Но заслужили ли они, эти девочки, осуждение, пройдя горькое испытание ГУЛАГом?

В пору военной своей любви девчонкам казалось: так будет навеки. И фронтовая разлука – как ветер для огня – только разжигала пламя любви. Они ощущали опасность, но не видели пока страданий на горизонте. Это потом они почувствовали соленый вкус слез, прошли через приступы отчаяния.

Объектом их страсти были не просто иностранцы, то были наши союзники в борьбе против гитлеровской Германии. Девочки любили Героев, прошедших сквозь ад огненных конвоев с нагруженными военной техникой для Советского Союза караванами судов.

Они, эти девочки, не были легкомысленными вертихвостками. Студентка и продавщица, библиотекарь и актриса, фрезеровщица и бухгалтер – они так же, как все в тяжелое для страны время, трудились и учились. Зарабатывали себе заслуженную пайку хлеба. Обстирывали семью. Затаив дыхание, слушали сводки Совинформбюро. Они слышали звуки войны: грохот танковых орудий и пулеметные очереди, разрывы гранат и рев зениток, гул самолетов и стрекот автоматов. А еще они радовались, вдруг получая любовь как дар судьбы.

В день объявления Гитлером войны Советскому Союзу английский премьер Черчилль заявил: «Мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем», и его поддержал американский пре-

зидент Рузвельт. В сторону берегов СССР направились десятки караванов судов по ленд-лизу (так официально назывались операции по доставке и приему военных грузов союзников).

Долгие годы правда о размерах и роли союзнической помощи замалчивалась, контакты между ветеранами конвоев не приветствовались, но с наступлением демократии утраченные дружеские связи вновь стали налаживаться.

Российские и британские ветераны полярных конвоев приняли участие в мемориальном празднике «Последнее «Прощай» (название придумали англичане), который состоялся в России в юбилейном мае 2005 года. Он был посвящен памяти последнего конвоя RA-67, ушедшего из Мурманска 23 мая 1945 года. Если учесть, что к моменту праздника самому молодому британскому участнику конвоев исполнилось уже 80 лет, то это действительно, как бы ни было грустно, «Последнее «Прощай».

Последнее Прощай и Последнее Прости тем романтическим историям, которые случились с некоторыми из британцев в ту непростую, трагическую пору...

ПОЧТА СЕРЖАНТА БИЛЛА

Майский день 1995 года выдался неласково-холодным. Пронизывающий насквозь ветер. Хлопья колючих льдинок-снежинок. В архангельском аэропорту журналисты встречали английских ветеранов, членов «Русского конвойного клуба», прибывших отпраздновать с союзниками юбилей – 50-летие Великой Победы над фашистской Германией. Прямо у трапа один из них (знакомимся: Вильям Лоуз, а лучше – просто сержант Билл), буквально потянув меня за рукав, озадачил вопросом, знаю ли я Зину Кузнецову из Интерклуба, будто время для него остановилось и на дворе по-прежнему военные сороковые. Что-то пронзительно-тоскливое в глазах сухощавого седовласого джентльмена (классический англичанин, разве что без трости в руках!) заставило остановиться на бегу:

– О'кей! Будем искать Зину.

Щемящая сердце просьба Билла окунула меня в ту трагическую пору британо-советских романов на фоне войны, где шаг за шагом я открывала для себя малоизвестные страницы истории.

...На протяжении двадцати пяти лет с момента революции советские люди жили за плотно закрытыми перед капиталистическим Западом дверями. Под вой

Билл Лоуз в 1995 г.

Уполномоченный ГКО на Севере контр-адмирал И.Д. Папанин с послом США в СССР А. Гарриманом (слева) и главой морской секции американской военной миссии контр-адмиралом К. Ольсеном в Архангельске, апрель 1944 г. (фото коммандера Т. Кемпа из личного архива М.Н. Супруна)

«мессершмиттов» и грохот танковых орудий двери стремительно распахнулись. И внезапно ничего не знавшие друг о друге или имевшие искаженное представление, внушенное многолетней обоюдной пропагандой, массы простых людей, принадлежащих к совершенно разным мирам, впервые столкнулись лицом к лицу. Это был настоящий стресс для каждой из сторон.

Тысячи граждан Великобритании и США сошли на экзотический для них берег в северных портах СССР, не подозревая, что их приезд готовит трагический жизненный поворот многим местным жительницам.

...Первый караван союзников из семи судов под кодовым названием «Дервиш» прибыл в Архангельск 31 августа 1941 года, но разгружался медленно. Тем временем по соглашению Верховного Главнокомандующего Сталина с Рузвельтом и Черчиллем через Атлантику уже шли другие корабли с военными грузами по ленд-лизу. Устранять пробуксовки (организовать более быструю приемку и немедленную отправку на фронт боевой техники от союзников) был брошен начальник Главсевморпути И.Д. Папанин. Сталин назначил его уполномоченным Государственного комитета обороны в Архангельске. Как никто другой, Иван Дмитриевич понимал, что гитлеровцы вынашивают планы полностью парализовать морские операции на Севере и активизировать военные действия в Заполярье.

В своей книге воспоминаний «Лед и пламень» он пишет: «Фашисты хорошо представляли себе большое народнохозяйственное значение Арктики и трассы Северного морского пути. Не случайно еще до войны в немецком журнале «Морское обозрение» было напечатано: «Для полной блокады Советской России Германия должна послать флот на Север с целью прервать арктические коммуникации».

Под умелым руководством Папанина работа закипела. Строились новые причалы и укреплялись старые, использовались все возможности Мурманского и Молотовского (Молотовск – ныне г. Северодвинск. – Прим. авт.) портов. Каждый английский конвой доставлял в Советский Союз до трехсот единиц одних только танков «Валентайн» и «Матильда». Всего из Великобритании за годы войны было привезено 5218 танков, 7411 самолетов, 4932 противотанковых орудия, 14 тральщиков, девять торпедных катеров и даже четыре подводные лодки. За всеми этими цифрами сухих статистических отчетов стоят людские судьбы.

Технику требовалось не только разгрузить, но и собрать, отконтролировать работу всех механизмов, проконсультировать, а когда надо – и обучить русских специалистов. В Архангельске открылась Британская военно-морская миссия, штаб которой располагался на ул. Пролеткульта (ныне ул. Попова), дом 16. В этом особняке, к сожалению, не сохранившемся до наших дней, когда-то размещалось даже норвежское консульство.

В Молотовске дипломатическое представительство располагалось в коттедже, выстроенном до войны для заводского начальства, на ул. Парковой, 13. Первоначальный состав постоянных сотрудников миссии с 15 человек уже к январю 1942 года увеличился до 80.

Моряки с постоянно прибывающих караванов в кубриках не засиживались. Это были свободные люди из мира, свободного от коммунистической идеологии. Соответственно, они достаточно вольно себя вели на советском берегу. По воспоминаниям очевидцев, к 1943 году Ар-

Шотландские моряки перед отправкой в море. 1942 г. (фото из архива Раймонда Болла)

1943 год. Архангельск. Лето. Англичане с русскими подругами на крыльце общежития – дома № 2 по ул. К. Маркса

хангельск был буквально наводнен иностранцами. Союзники исследовали город и окрестности вдоль и поперек. Их можно было встретить на улицах и на базаре, на стадионе и в цирке, летом на пляже, зимой на катке, и не только в городе, но и в пригородах – в Исакогорке и на Кегострове. Преград для них не существовало, несмотря на некоторые официальные ограничения в свободе передвижения.

Специально для их культурного времяпрепровождения (а попросту говоря, чтобы не совали свой любопытный нос в секретные щели) в Архангельске, Молотовске и Мурманске открыли интерклубы. Бравых моряков не могли не заметить местные девчонки. Они почитали за счастье получить приглашение на танцы, на демонстрацию зарубежных фильмов («без купюр»): «Маленькая мама», «Серенада Солнечной Долины», «Под крышами Парижа» или «Анна Каренина» с блис-

Билл (в центре) с однополчанами

гательной Гретой Гарбо. Забыв про войну и тощую краюху хлеба на домашнем кухонном столе, девочки хотели хорошо выглядеть – они крутили на голове модные валики, из старой маминой одежды шили шикарные платья «рюмочкой».

Молодость никогда не спрашивает, мирное ли, военное ли время на дворе. Галантные кавалеры, англичане, нравились архангельским девушкам. Ненахальны. Воспитанны. Серьезны в намерениях. Одаривают подарками и превосходно танцуют. Девчонок вновь и вновь влекло на вечера в Интерклуб – здакий оазис благополучия посреди темного хмурого города. Но за дружбу с иностранцами, а тем более замужество, в те годы следовала расплата.

...Билл, тяжело вздыхая, достает из холщовой походной сумки альбом с документами и материалами

Зина (слева) с подругой Любой Сапоховой и Джоном Коббом

времен его службы в английской миссии Архангельска. Он показывает мне пожелтевшие фотографии и рассказывает о своей дружбе с прославленным летчиком, Героем Советского Союза Борисом Сафоновым.

Будучи радиоинженером, Билл помогал русским в Заполярье осваивать английские самолеты «Харрикайны», прибывшие с караваном союзнических судов в Мурманск. Затем его откомандировали в Архангельск.

Он охотно вспоминает то время, и мы много беседовали с ним на «служебные темы»:

– Моя работа состояла в том, чтобы обеспечивать радиосвязь между Россией и Лондоном. У нас был сильный передатчик, и мы также поддерживали связь со стоянками судов в бухтах, помогали заводить суда в Белое море и проводить их до Архангельска. Мы под-

чинялись Лондону. Радиосвязью вообще занималось очень ограниченное число людей. Когда суда проходили опасные районы, им запрещалось выходить в эфир, было запрещено говорить по радио больше пяти минут чтобы враги не могли запеленговать судно.

В книгах о войне я читала, что именно англичане взломали немецкие коды связи и смогли читать их донесения, упреждать действия врага. Это спасло многие конвои. Интересуюсь у собеседника:

Может быть, и вы были среди тех декодировщиков?

- Нет. Это очень засекреченные люди. Я знал о них, но никогда не видел. Они работали не в Архангельске а в Англии, их центр был в местечке Блетчли Парк, там сейчас музей. Это очень умные люди, они взламывали коды, получали информацию и сообщали кому следует. И все это совершенно секретно. Большинство из них просто делали свою работу и получали за это определенную плату.

Они представлены к наградам? Их заслуги оценены по достоинству? Ведь они спасли огромное количество жизней!

- Не только жизней, но и тысячи тонн грузов.

Тем более они заслуживают публичного признания.

Награды в Англии давали за определенные события и бойцам! С русскими наградами все тоже складывалось непросто. Например, орденом Ленина были награждены во время войны всего четыре иностранца. Это как раз мои товарищи по авиаполку. Они находились в Ваеньге три месяца, участвовали в воздушных операциях. За это время они сбили 17 немецких самолетов, а потеря и только одна.

Быт в Архангельске, 1941 г.

Билл сохранил даже разрешение органов НКВД на временную прописку в общежитии для персонала миссии на ул. Карла Маркса, 2. Он даже выезжал в командировку в Москву, ходил там в Большой театр – вот билеты на балет «Лебединое озеро». А вот и неиспользованные талоны на продукты (он тоже демонстрирует их мне), а это билеты: железнодорожные «Архангельск – Москва» и столичного метрополитена им. Кагановича.

Билл был нарушителем советских правил для иностранцев, поскольку привез с собой фотоаппарат и много фотографировал. Вот, они, заветные снимки с Зиночкой. Но самого главного – связи с людьми, с которыми подружился тогда на Севере, – сохранить не удалось. Она оборвалась еще до окончания войны, с его отъездом на родину в Лондон.

Билл [illegible] фотографировал Зину

Руфь

Надпись на обороте фотографии

Билл очень хотел бы найти Зину, русскую подругу своей боевой юности. Может быть, она, его первая любовь, как сотни других девушек, за дружбу с иностранцами ушла по этапу в Сибирь?

Но что тогда стало с ее дочерью Руфой (которой сейчас должно быть за шестьдесят)? Неизвестность тревожит, и Архангельск манит его опять и опять. Искренне желая помочь ему в поиске, я опубликовала заметку в областной газете.

Обращение оказалось более или менее результативным: к очередному приезду Билла накопилась, правда тоненькая, пачечка писем, адресованных ему лично. Распечатываем их вместе, наскоро просматривая, в надежде увидеть послание самой Зины.

* * *

Здравствуйте! Прочитала про поиск сержанта Билла, мы узнали на снимке наших мам. Но очень плохо отпечаталась фотография, как бы взглянуть на подлинник?

Кротовы

* * *

Дорогой мистер Билл! В годы войны мой дедушка работал водителем в Британской миссии. Он жил на ул. К. Маркса с женой Агафьей и дочкой Руфой. Руфине сейчас 65 лет, это моя мама. У меня есть несколько фотоснимков того периода. Может быть, они вам пригодятся.

Николай

* * *

Не уверен, что смогу быть полезен, но возможно, какие-то сведения могут вам помочь. Летом 1943 года мне было девять лет. Моя тетя Ольга Николаевна работала портнихой в штабе миссии. Помню нескольких людей из числа русского персонала: Тамару, отлично знавшую английский язык, горничную Варю, шеф повара Александра Федоровича Курочкина. К сожалению, никого из них на фото не узнал.

Вячеслав Усынин

* * *

Мистер Ллуэллин, я решила дать вам адрес своей подруги Елены Ивановой. Возможно, она помнит Зинаиду Кузнецову и поможет ее разыскать. Лена часто бывала в Интерклубе, дружила с англичанином и даже родила от него сына.

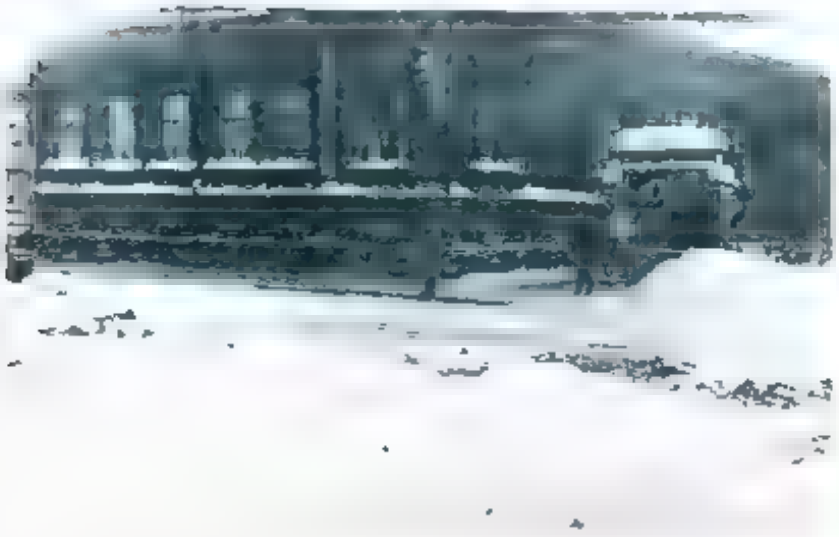
С наилучшими пожеланиями

Вера

* * *

Увы, поступившая почта дала лишь несколько новых ниточек для более кропотливого поиска, но не прибавила весточки от Зины. Однако Билл оживился. Он в свое время вспомнил даже имя отца своей подруги – Александр Цупраков (но Цупраков ли, может быть, все же Чупраков, ведь этих букв нет в английском языке, и Билл мог перепутать звучание «странных русских» согласных) – и его прежний адрес: пр. Костромской, 46, кв. 3, а также, что Зинаида Александровна Кузнецова родилась в Архангельске 24 октября 1920 года и жила на пр. Павлина Виноградова, 117, кв. 2. Дом, оказалось, уже давно снесен. Тогда звоню всем бывшим подругам иностранных моряков, откликнувшимся на обращение в газете.

Родная, не Зина



Дом на пр. П. Виноградова, в котором жила Зина. Фото сделано незадолго до его сноса в 1963

Все они припоминают Зину и ее маленькую дочку (по Руфа ли? Кажется, ее звали иначе, запамятовали ...), но никто-никто не знает, где их найти сейчас. Как иголка в стогу сена, затерялась подруга английского моряка[1].

Не помог даже бывший старший следователь архангельского НКВД Арсений Иванович, с которым мы встретились по его инициативе и откровенно поговорили о «жертвах военной любви».

Весьма доброжелательный человек, он многое припомнил из того периода. Допросы арестованных девчат велись только по ночам: такое было предписание сверху. Если в три часа утра (или все же ночи?) следователи отпускали заключенных под стражу в камеру, то получали за такую поблажку взбучку от начальства. А девушки были красивые, несомненно, и на их красоту не возможно было не реагировать.

Мой собеседник вспоминает:

«Их хотелось только жалеть, а не под суд подводить. Что, думаю, приятного для них сделать? Сам-то не курил, но другой раз покупал специально по ним сигареты. А когда реквизировали по случаю ящик махорки — всех угощал».

По статье 58 проходило шесть или семь девчат из Молотовска, из Архангельска — не меньше ста. Но фамилии Кузнецова мой добровольный помощник среди них не помнит. Значит, Зинаиде удалось избежать лагерей? Редкий случай! Для этого требовались веские причины и важные высокопоставленные заступники. Сомневаюсь, что таковые оказались у Зины, но на фоне других трагических судеб, ставших мне известными, хотелось верить именно в эту версию.

Зина. 1941

Многие из возлюбленных английских моряков долгие годы боялись даже напоминать о приключениях бурной молодости. Они поплатились за первую любовь годами ГУЛАГа. Но жгучий интерес («А что же сталось с ними, нашими мальчиками?») заставил их написать Биллу. Просьба разыскать Джимми, Эрика, Томаса... Письма продолжали приходить.

Отзывчивый господин Лоуз основательно взялся за дело. География моих поездок от Северодвинска и Архангельска расширилась до Мурманска, Санкт-Петербурга и Москвы. В копилку поиска легли интереснейшие истории, и, по крайней мере, несколько ниточек судеб удалось связать.

Мне говорили: «Да не найдете вы никого. Ведь всех девчонок, ходивших в интерклубы, после войны посчитали проститутками, посадили на баржу и утопили в Белом море!» Где правда, где вымысел? Чтобы найти истину, потребовалось усердие и кропотливая работа по сбору документов. Поэтому, прежде чем перейти к описанию конкретных судеб, дам общую картину на фоне которой разворачивались страсти и вспыхивала любовь. И прежде всего поподробнее расскажу об интерклубах военной поры и обстановке вокруг них.

СТРАСТИ ВОКРУГ ИНТЕРКЛУБОВ

Корреспондент газеты «Красная звезда» Константин Симонов приехал в Мурманск, когда фронт находился всего в 20 километрах от города. Он устроился в отеле «Арктика» и вечерком вышел прогуляться. Звуки знакомой мелодии привели его в здание Интерклуба, расположенное по диагонали в ста метрах.

Ночь коротка,
Спят облака,
И лежит у меня на ладони
Незнакомая ваша рука.
После тревог
Спит городок.
Я услышал мелодию вальса
И сюда заглянул на часок.

Танцующих пар в зале было немного: очередной караван с военными грузами по ленд-лизу еще только ожидался, а местных девушек отправили на заготовку дерна с сопок. Но под впечатлением краткого мгновенья отдыха Я как будто бы снова все те дома родно о. Симонов вернулся в «Арктику» и в текст будущей своей пьесы «Так и будет» включил песню Евгения Долматовского «Случайный вальс». Об этом, возможно легендарном, эпизоде времен войны в Мурманске рассказывают и поныне.

На пике дальнего плавания. 1944 г. Вернисаж мира (репродукция из книги «Полярные конвои. 1941–1945». СПб., 1999 г.)

По дороге из аэропорта в Мурманск мне показывают странную сопку под названием Лысая Гора. И действительно – лысая. С этой горы во время войны мурманские девушки и женщины снимали дерн для балласта, чтобы суда не уходили в обратный путь пустыми из-за недостатка полезного груза. Огромные корабли типа «Либерти», построенные американцами специально для перевозки военных грузов, не могли отправляться налегке», так как штормовые ветра или тяжелые волны могли их просто-напросто расколоть по сварному шву!

Только дополнительный груз в трюмах мог обеспечить безопасность. Так обеспечивалась правильная остойчивость кораблей. Жуткое впечатление производит этот молчаливый памятник войне. Здесь никогда уже больше не зацветет иван-чай.

Ветеран конвоев американец Виктор Чамберлен

Суда часто приходили в северные русские порты по реланными и конюхавшими пороху от преследовавших немецких подводных лодок и авиации. Американский ветеран Виктор Чамберлейн прислал мне копии уни кальных документов. Вот, например, какое сообщение они получили по рации на борту своего судна 21 ян варя 1945 года от командира конвоя непосредственно перед прибытием в мурманский порт. «Всем кораблям на этот раз Арктика больно ударила нас, но по воле божественного провидения мы пережили три шторма и ураган с удивительно малым ущербом. Я восхищен тем, что вы вынесли все это и прорвались с таким му жеством. Поздравляю командиров, палубных офице ров, механиков и экипажи. Мне хочется ходить с вами всеми в море и в дальнейшем»

На лицах членов экипажей четко отпечатывалось напряжение пережитых переходов. А сотни моряков,

FROM THE COMMO

[illegible]

THE ARCTIC HAS KNOCKED US ABOUT THIS TIME, BUT BY THE HAND OF THE DIVINE PROVIDENCE WE HAVE SURVIVED THREE GALES AND A HURRICANE WITH SURPRISINGLY LITTLE DAMAGE.

I HAVE ADMIRED YOUR GUTS IN STICKING TO IT SO [illegible] THROUGH.

CONGRATULATIONS TO MASTERS AND DECK OFFICERS [illegible] OF CREW AND SO A

WOULD LIKE TO HAVE BEEN WITH YOU ALL AGAIN

[illegible]

[illegible]

Радиограмма от командира конвоя

спасшихся после разгрома конвоя PQ-17! Деморали зованным союзникам требовалась не только срочная медицинская помощь, заботливый уход, но и психоло ическая поддержка - предстоящий путь домой не обе щал быть сладким. Чтобы хоть слегка расслабиться, они отправлялись в специально созданные для них клубы

Интерклубы появились не на пустом месте. Всесоюз ное общество культурных связей с иностранцами бы о создано в СССР еще в 1935 году и решало пропаган истские задачи. Бывший центральный офис ВОКС н ходится в Москве на улице Большой Грузинской. Сим

Персонал и гости Интерклуба 1944

патичный особняк, дом 17 – сейчас здесь располагается творческая мастерская художника Зураба Церетели. В состав ВОКС входили все советские организации «Интурист».

С началом войны группа сотрудников ленинградской интуристовской «Астории» по приказу выехала в прифронтовой Мурманск. Необходимо было обеспечивать культурный досуг союзникам. Опытные интуристовские кадры быстро наладили работу интерклубов во всех трех морских портах – Мурманске, Архангельске и Молотовске, куда приходили караваны судов. Концерты, лекции, беседы, киносеансы – стандартный набор, который предлагали иностранным морякам. Плюс буфеты с традиционными русскими деликатесами (водкой и икрой) и, конечно, танцы – где под пластинки, где под оркестр. Не на увеселительные прогулки отправлялись моряки в караванах судов

[illegible]ской жизнью в жесточайших морских переходах [illegible] иметь право на короткую передышку и мини[illegible] отдыха на берегу.

Для измученных бомбежками и истерзанных штормами старших офицеров экипажей транспортов уполномоченный Ставки главнокомандующего Иван Папанин всегда давал банкет. Штурман Чамберлейн вспоминает: «Самое большее, что я помню из обстановки, это широкая лестница холла, ведущая в мезонин, и чучело большого медведя у входа».

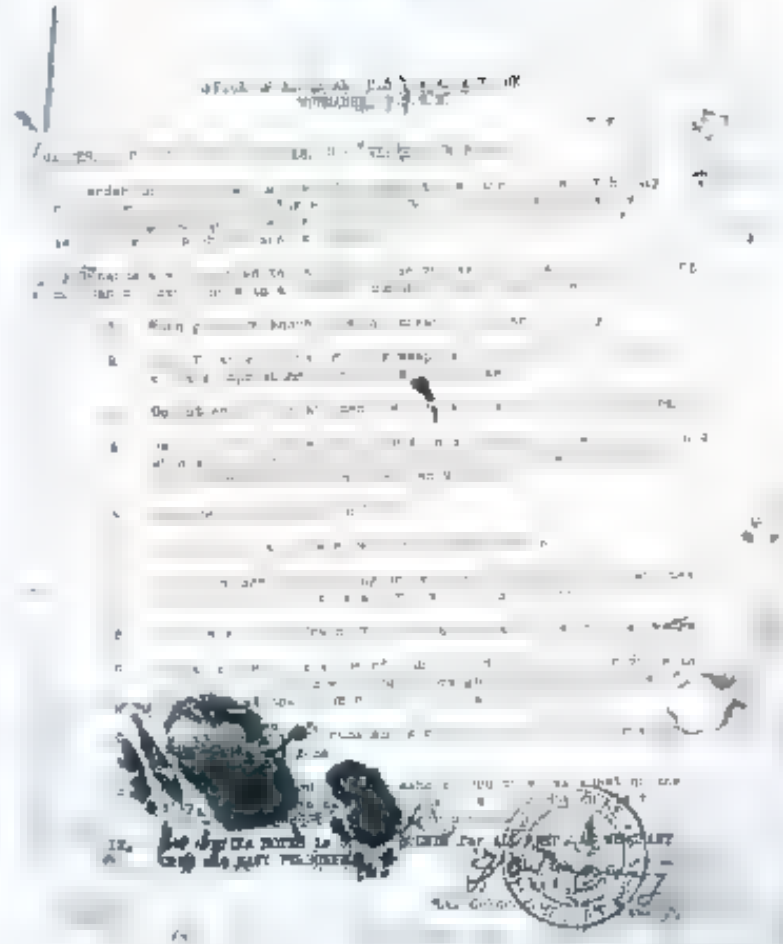
Они с товарищами, дегустируя водку, быстро хмелели и едва добирались до своего корабля к урочному часу. Согласно инструкции военно-морского атташе США выдаваемой всем членам американских экипажей. «Для того, чтобы каждый человек мог быть полностью осведомлен, простые, но очень важные правила, касающиеся пребывания на берегу. Требуется поставить подпись что он прочитал и осознал следующее, прежде чем ему будет выписан пропуск на берег. Все должны вести себя на берегу так, как следует американскому гражданину в иностранном государстве, а именно:

- *Сходя на берег, одевайтесь чисто и аккуратно*
- *Не берите с собой ножи или другое оружие (по советским законам нарушители подлежат 5-летнему заключению)*
- *Не вступайте в споры, которые могут привести к беспорядкам*
- *Будьте готовы предъявить пропуск и удостоверение личности, когда этого потребуют часовые или милиционеры*
- *Соблюдайте комендантский час (24.00)*
- *Не входите в частное жилище без приглашения*
- *Не вступайте в продажу и обмен продуктов, сигарет одежды и т. д. Это серьезное нарушение*

- *Желательно воздержаться от интимных отношений*
- *Водка, в лучшем случае, – крепкий напиток, и ее следует употреблять с осторожностью. Любая жидкость, купленная за пределами Интуриста и гостиницы, может быть отравлена.*
- *Иностранцы, посещающие [illegible] должны знать, что [illegible] строго наказываются.*
- *Помните, что, когда вы сходите на берег, вы являетесь гостем города, и русские люди делают все возможное, чтобы ваш визит был приятным. Ведите себя соответственно.»*

Кстати, комичный случай: из-за своей фамилии американец Виктор Чамберлеин тоже натерпелся страданий в военное ленд-лизовское время. Однажды губной доктор из-за идейных соображений наотрез отказалась лечить ему зубы, наплевав на увещевания, что он всего лишь однофамилец тому «идеологическому противнику» Чемберлену, кого она так горячо ненавидит.

В книге «Я рассказываю о своей жизни» военный переводчик Вениамин Якубовский вспоминает, как прибыл 23 февраля 1943 года в Мурманск: «Город объят морем огня. Только что прошла бомбардировка. Аэродромы немецкой авиации находятся в 60 километрах. Мурманск – сплошь деревянный, исключая десяток домов на проспекте Сталина, поэтому после вражеских налетов он всегда в огнях пожаров. Самое большое количество бомб во время Второй мировой войны фашисты сбросили на английский городок Ковентри и наш Мурманск.



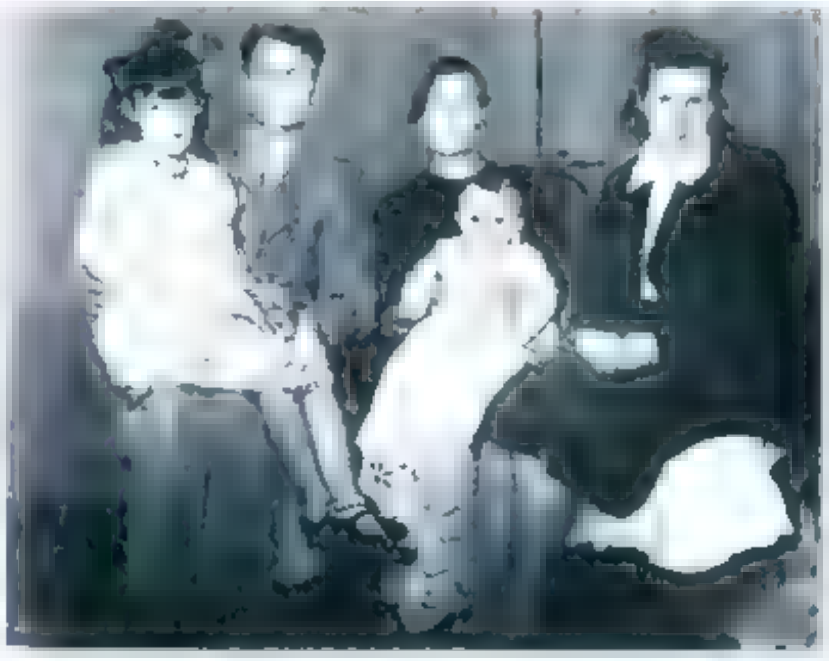
Копия инструкции военно-морского атташе США о том, как вести себя на берегу в советских портах

А в Архангельске я встретилась с бывшей сотрудницей таможни Юлией Петровой (более подробный рассказ о работе таможни и об Юлии еще впереди). Ей тоже довелось увидеть Мурманск растерзанным. Как раз в 1943 году Юлию с двумя подругами — Шурой Галкиной (теперь Демиховой) и Ниной Уваковой (Купцовой) направили в командировку в Заполярье, там не хватало специалистов по приемке иностранных грузов. Районы, попавшие под бомбежки, были обнесены колючей проволокой. На работу в порт девушки добирались пешком в обход опасных мест.

Разгрузка караванов всегда шла ночью. Махина типа Либерти» в 14 тысяч тонн водоизмещением. На палубе

...ки, самолеты, автомобили. Таможенный досмотр фонариком. Однажды судно после выгрузки стояло ... без осадки, а Юлия сорвалась со штормтрапа прямо в воду Кольского залива. Полушубок распахнулся, как парашют, не давая утонуть. А с борта американцы подали сигнал: «Русская Машка буль-буль» и погранцы лодкой за несколько минут вытащили Юльку из воды. Следующей ночью она опять шла на работу в порт. Жили молодые таможенницы в гостинице «Междурейсовая», превратившейся на время войны в громадное общежитие. Тут и военные, и артисты из московского «Гастроль-бюро». Разная публика. Все было на виду.

Часто девушкам давалось комсомольское поручение — сходить на танцы в Интерклуб, – и попробуй не выполни.



... Мурманск. Интерклуб. Н. Кирпа

Директор Мурманского интерклуба Николай Курт у экрана «Арктика»

ни его! Походы на танцы по принуждению дава ти свои результаты. Например, французский историк Жорж Блон в книге «Конвой в СССР» пишет: «Девушки Ин ерклуба не умели разговаривать по английски и вооб ще не понимали этот язык, за исключением нескольких слов. Находясь под бдительным наблюдением компе тентных органов, они даже улыбаться остерегались. Герлс вращались в танцах как «деревяшки», что обеску раживало моряков»

В составе каравана QP 11 следовал теплоход «Ци олковский» (сопровождал конвой по маршруту Мур манск–Ливерпуль). В результате налета вражеской авиа ции погибли 29 членов экипажа и сам теплоход. Сре ди оставшихся в живых четырнадцати человек – вто рой механик Николай Курт. На берегу он ждал нового

азначения и получил важное партийное задание воз авить Мурманский интерклуб. Знающий морскую у ьтуру, обычаи и нравы моряков, к тому же широко разованный (даже играл на фортепиано), он как не ьзя кстати пришелся к интерклубовскому двору. Толь о добрые слова я услышала в его адрес от свидетелей ех суровых дней. К сожалению, Николая Титовича уже ет в живых

С фотографии смотрит умный человек с яркими гла ами. Ему было 32 года. Вечно ходил с трубкой и руково ил творчески: концерты разные, лекции даже. Жена его Мария Леонтьевна тоже часто ыходила в клуб как на ра оту, а дочка Рогнеда на сцене анцевала «Яблочко»

Я разыскала в городе на Неве родственников бывше о директора. Передо мной стояла статная женщина, представилась: Рогнеда Ни олаевна. Папа, почитатель усской истории, дал ей княжеское имя (если корот ко, полоцкая княгиня Рогне да была матерью Ярослава Мудрого). Картинки из дет ства сохранились в ее памя и. Из блокадного Ленинграда их с мамой эвакуировали в Вологду, затем в Архан ельск. Но и там их дом № 21 на улице Энгельса немцы

Рогнеда Курт семь лет танцует «Яблочко» американцы. На международных футбольных матчах. Мурманск. 1944

разбомбили. Ничего не оставалось, как ехать в Заполярье навстречу опасности, но все же быть рядом с отцом и мужем.

Рогнеда Николаевна повела меня к матери. Мария Леонтьевна – человек ясной памяти и здравого ума, в 90 лет хорошо помнит все детали мурманского периода жизни. В штате Интерклуба трудились завхоз, бухгалтер, библиотекарь, гардеробщица, киномеханик, два истопника – мужчины. Николай Титович старался устроить все красиво. Стены холлов обшили сатином. Раздобыли бильярд. Организовали гастроли Северного русского народного хора им. Колотиловой из Архангельска – это Мария Леонтьевна подсказала мужу.

Также я встретилась с Марией Михайловной Волоцкой, регистратором Интерклуба. Она живет в пригороде Петербурга, в Пушкине. Мэри, так называли ее иностранцы, дружила со многими, но особо выделяла морячка Чарли, которого хотела бы сейчас разыскать, чтобы просто узнать, как сложилась его судьба. Мэри продавала билеты на киносеансы и говорит, что кассир в обычном советском кинотеатре не получил бы никогда такого уважения от зрителей. Порой сотрудницы сами сгребают снег с крыльца, а мимо пробегает знаменитый летчик Борис Сафонов. Мэри глаза распахнет, чтоб получше рассмотреть его, а он обязательно сунет в карман девушки конфетку.

А что происходило в молотовском учреждении культуры? Обратимся к рассказу очевидца, Лидии Ивановны Черняева – первый библиотекарь города, ныне почетный гражданин Северодвинска. «На втором этаже Клуба строителей располагалась контора Интерклуба. Еще в 1938 году туда завезли старинную мебель, зеркала

...ские моряки на пикнике (фото Мэри Чарли)

и бархатные портьеры для приема важных персон. Вот и сгодилось ныне. Там заправляла переводчица Вера из Архангельского педагогического института. Я заходила туда изредка из любопытства, так как уже была замужем.

На первом этаже в зале показывали фильмы. Союзники курили прямо там. У нас так было не принято, и мы удивлялись. Но никто не хамил. После сеанса сдвигали стулья по стенкам и крутили пластинки (например, «Цветут фиалки, ароматные цветы») до наступления комендантского часа. Вальс, фокстрот, танго. Ни буфета, ни ресторана в клубе не было. Мы жили сытно, голодно, одевались плохо, поэтому танцевать ходили неохотно».

Английский историк Ричард Вудман в книге «Арктические конвои 1941–1945» упоминает молотовчанок

«Женщины в основном были тяжелы телом и чертами лица и делались еще тяжелее от своей одежды. Однако, я хотел бы подчеркнуть, как дружелюбны были эти люди, особенно по контрасту с военными, которые всегда были строго официальны и сердиты.

Другого мнения от общения с местными девушками в военные годы придерживаются британские ветераны Конвоев, посещающие Северодвинск с делегациями в мирное время. Они всегда радуются, когда их подводят к бывшему Клубу строителей (кстати, единственное сохранившееся из трех интерклубов здание) на улице Республиканской. Немало счастливых часов проведено здесь. Они помнят песни «Синенький скромный платочек», «Катюша», тот самый легендарный «Случайный вальс».

И все же восторгов немного. В Архангельске в 1943 году сигнальщики Лен Таки и Холлидей в перерывах между [illegible] выпускали свою рукописную юмористически-сатирическую газетку «Неправда». Остряки точно подмечали существующие порядки: «Из нашего долгого почтового ящика. Вопрос: господа, как вы считаете, найдется ли место для еще нескольких друзей и родственников за обеденным столом в вашем общежитии на ул. К. Маркса? Ответ: разумеется, мы готовы обедать во дворе, чтобы им досталось больше места в бардаке».

А как вам такое «объявление»:

«Море счастья в океане мира. Проведите свой отпуск в Архангельске!

Архангельск как реален, так и нереален, он смесь того и другого. Красивейшие девушки, изысканные рестораны, золотые пески, а воздух единственный в своем

роде во всем мире – сладкий и свежий. Познакомьтесь с достопримечательностями вместе с отделением Ассоциации Христианской Молодежи, слившись в радостном союзе. Вы будете потрясены! За подробностями обращайтесь к вербовщику на военную службу [illegible] найте это БЫСТРА!»

Газета веселила упавших порой духом союзников, не привыкших еще к русскому быту. Позволю также привести в «мягком» переводе на русский цитату из песенки, сочиненной талантливыми издателями:

Долбаные кости долбано ноют,
Ни приличного трамвая, ни долбаного автобуса.
Никому нет дела до долбаных нас
В долбаном старом Архангельске.
По долбаным тротуарам трудно ходить –
Долбано-деревянным и долбано-скользким,
Долбано ступишь – перелом спины
В долбаном старом Архангельске.
Когда придет конец этой долбаной войне
И победа будет нашей окончательно,
Мы, британские парнишки, радостно сбежим
Из долбаного старого Архангельска!

И так далее и в том же духе. Такие откровения полезно читать и современным нашим чиновникам. С «Неправдой» никто не боролся. Просто попросили свои же [illegible] офицеры из вежливости к русским [illegible] выпуск. Ребята попались послушные, перестали ерничать.

Но тревогу за удручающее состояние северных городов били и приезжавшие сюда из центра советские должностные лица. Корреспондент Совинформбюро В. П. Беляев писал на имя наркома иностранных де[illegible]

«Следует добиться того, чтобы зимой Архангельск не сидел по ночам вечеров без света, чтобы туда приезжали лучшие артисты, чтобы было в нем много бань и не ломали бы себе ноги прохожие на тротуарах и чтобы культурно работала милиция. Мне кажется, что давно назрела необходимость доукомплектовать кадры ответственных работников всесторонне развитыми широкого кругозора людьми, сделав это в порядке особой, единовременной партийной мобилизации».

Невинные молодые люди хотели отдыха и немножко веселья после двух-трех опасных недельных переходов в основном из Ирландии. Дуглас, например, вспоминает: «В клубе нам разрешалось выпить всего две стопки водки. Но иногда мы могли получить еще порцию, если давали официантке шоколадку. И таким образом мы были очень пьяны. Только и всего». Девушки встречали их ухаживания с холодной учтивостью. Как пишет в книге Ричард Вудман, «демонстрация слишком близких отношений к гостям вела к таинственным исчезновениям».

А вот строчки из письма инженера-механика крейсера «Тринидад», капитана 3-го ранга в/о англичанина Раймонда Болла: «Когда мой корабль в 1942 году в течение шести недель находился на ремонте в сухом доке Мурманска, я обратил внимание, какие строгие порядки царили. Не допускалось какого-либо панибратства с работниками. А те немногие местные женщины, которых я встречал, очень боялись, что кто-нибудь увидит, как они разговаривают с нами».

И все-таки некоторые эпизоды свободного поведения во взаимоотношениях с иностранцами случались. Как вспоминает архангелогородка, кандидат педаго

Типы архангельских «НИЗ» делали свои репродукции с фотографий Ричарда Вудмана (London Times)

гических наук Полярина Тимофеевна Синицына в каком факультета иностранных языков в институте тогда был Игорь Евгеньевич Аничков, до войны бывавший даже во Франции и Англии Полярина (дочь писателя Пэли Пунуха) в военные годы как раз училась и хорошо помнит, что со студентами Аничков говорил только на английском и настойчиво рекомендовал им совершенствовать язык, посещая киносеансы и танцы в Интерклубе. Вот почему, кажется, общение с живыми моряками, девчонки пытались выведать у них секреты английской орфографии и правописания. Улучшение произношения, однако, чаще всего не являлось главной причиной походов девушек в Интерклуб. Им просто нравились галантные кавалеры.

Следующая моя встреча в Мурманске с Анной Ивановной Тюляевой. Анюта начала работать с 22 года. Но должность ей предложили ответственную – главным бухгалтером в «Интуристе». Управляющий Грицберг был вызван аж из Бразилии, где руководил подобным советским заведением. Вновь организованный «Интурист» расположился в стенах отеля «Арктика», а соседский интерклубовский буфет они снабжали деликатесами: шампанским, икрой, папиросами «Герцеговина флор» – Сталин такие курил. Ну, бывало, напивались гости, некоторые даже зубные протезы

Переводчик интерклуба Анюта Тюляева. 1943

Воскресная служба на корабле «Вестник». Фото из архива Рафаэля Бытла

теряли – наутро сотрудники возвращали им «пропажи» со смехом.

Но в основном молодые люди приходили интеллигентные с Евангелием в руках, что тоже вызывало улыбки переводчиц и официанток. Молоденькую Анюту они союзники привечали, но старый многоопытный начальник Грицберг быстренько ее научил, как вежливо отказываться от назначаемых свиданий.

Знакомая Анны, санитарный врач Лиза Денисова вышла замуж за моряка Робертсона из Канады и даже сумела выехать к нему через Иран. Другой приятельнице не повезло, отсидела шесть лет.

Роковые сороковые, какие еще тайны хранятся за семью печатями?

За короткий срок я собрала множество документов, разыскала свидетелей того периода и даже смогла найти

отрицательный ответ на вопрос, была ли баржа, о которой ходит много легенд и на которой якобы утопили девушек, друживших с иностранцами, а также было ли нечто подобное организованному «борделю».

В моих руках оказался один любопытный документ, ответ губернатору Мурманской области Ю.А. Евдокимову из Управления ФСБ РФ по Мурманской области: «Каких-либо данных, прямо или косвенно указывающих на существование в годы войны в г. Мурманске под покровительством органов НКВД плавучего дома и затопление баржи с его персоналом, не обнаружено».

Одна из моих собеседниц уверена, что девушек, образно говоря, «утопили» в ГУЛАГе. И лишь немногим удалось избежать этой участи.

«Я называла Джимми Яшей. Мы любили друг друга. 52 года ничего не знаю о нем», – написала Биллу архангелогородка Вера Георгиевна Цируль, первой откликнувшаяся на обращение о поиске Зины Кузнецовой и людей, имев них хоть какое-то отношение к иностранцам в годы войны. И смелость признания была щедро вознаграждена.

В доме по ул. К. Маркса, 1, как раз напротив «английского общежития» в Архангельске, жили две подружки, которых моряки меж собою звали «big» Вера и «little» Вера. «Маленькая» Вера была дочерью начальника Архморпути Георгия Яковлевича Наливайко, состоявшего в большой дружбе с уполномоченным Государственного комитета обороны И. Д. Папаниным.

В своей книге «Лед и пламень» Папанин вспоминает о нем: «Этот небольшого роста скромный человек любил держаться в тени, и его очень смущали те знаки внимания и уважения, которые ему оказывали окружающие. А не уважать его было нельзя. Он прожил удивительную жизнь. В 1915 году выпускник Петербургского института путей сообщения Георгий Наливайко прибыл в Архангельск в изыскательную партию на два года, а остался на всю жизнь... И вполне естественно,

Вера, 1945

чего не было не только в Архангельске, но и на всем Севере человека, который так превосходно знал бы гидрологию рек и морей, характеристику их побережий»

Г.Я. Наливайко построил в 1941 году знаменитую ледовую железнодорожную переправу через Северную Двину для отправки грузов союзников, ведь мостов через реку в военную пору не было, по льду проложили шпалы в три раза длиннее обычных и переправляли платформы с танками

Дочка известного генерала Вера Наливайко слыла большой умницей: в Ленинграде до войны изучала французский и испанский, эвакуировавшись в родной Архангельск, быстро освоила английский язык

Веру часто приглашали в качестве переводчицы на официальные переговоры и дружеские встречи с иностранцами

Ей довелось участвовать в архангельских переговорах между заместителем председателя Совнаркома А.И. Микояном и послом США А. Гарриманом И.Д. Папанин частенько брал Веру в помощницы при беседах с главой Британской миссии капитаном Мондом. Спустя годы «маленькая» Вера не сомневается ее не постигла горькая судьба многих архангельских девчонок, имевших контакты с иностранцами только благодаря авторитету и заступничеству Папанина

Хрупкая интеллигентная девушка нравилась многим англичанам, и Джимми все хотел выговорить по-русски нежное «Верунчик», а получалось «Чик» Джимми до войны учился в университете. Тяга к знаниям заставляла его заглядывать в архангельскую библиотеку, где он часто видел склонившуюся над книжками Веру

Джимми Скриппс с детьми-однополчанами, 1943 г.

Однажды Джимми принес Вере в подарок Оксфордский англо-русский словарь – Вера хранила изящный бордовый томик всю жизнь. Так и познакомились.

Молодые люди старались скрывать от цепких посторонних глаз возникшую между ними сердечную дружбу, переросшую в любовь. Летом встречались на «кошах». О, Яша Джимми хорошо знал, что так называются песчаные островки отмели на Северной Двине. Брал лодку и греб веслами как умел. В нагруженной сумке упакованы галеты, лярд (американское сало), тушенка (этот спецпродукт изготовлялся на заводах США по русскому рецепту в рамках ленд-лизовской программы), а термос наполнен горячим шоколадом

Хоть Вера и генеральская дочка, а отощала в те месяцы, даже дополнительный паек не помогал. Чик ждала Яшу тоже со своими, пусть и скудными, гостинцами.

выращенными на собственном огороде перед домом прямо в центре Архангельска (так горожане спасались от голода, немногие сейчас знают, что пайка хлеба в Архангельске равнялась легендарным ленинградским 0 окадным граммам Печеная картошка приводила Джимми в полный восторг

И Вера, и Яша прекрасно понимали, что женитьба невозможна Но дружба продолжалась В 1944 году Джимми Моррисона отправили на только что открывшийся Второй фронт Письма для Веры регулярно приходили через сержанта Британской миссии Вильяма Пэйта (в целях безопасности ведь переписка тоже не поощрялась властями. Но однажды весточки прекратились По просьбе отчаявшейся Веры Пэйт разузнал, что Джимми ранен и отправлен в госпиталь. Но выжил ли? Ответа на этот вопрос Вера не знала более пятидесяти лет

Война тем временем закончилась, и Вера уехала в Молотовск (ныне Северодвинск), где в первой школе преподавала английский. Дети в ней спрашивали: «Вас тоже посадят, как и предыдущую нашу учительку?» Спина холодела от таких вопросов.

В послевоенном Молотовске было несладко, а жилья, даже комнатушки в общежитии, все не давали Спала на стульях прямо в своем кабинете. К концу первой учебной четверти удалось получить перераспределение обратно в Архангельск Уезжала пароходом Поздним ноябрьским вечером пришвартовались к причалу речного вокзала. Глянула – он полон народу. Молодые и красивые женщины рыдают, напирают на оцепление А их с разных точек фотографируют бравые люди в штатском

Оказывается в этот день оставшийся персонал английской миссии навсегда покидал Архангельск Провожать их с горькими слезами и причитаниями вышли все русские подруги. А вскоре начались повальные аресты, преследовавшие цель, говоря языком официальных документов тех лет, «изъятия активных проституток» Страхе Вера сожгла все фотографии и письма Джимми, назубок запомнив его адрес.

Дальнейшая жизнь «маленькой» Веры сложилась более или менее счастливо: интересная работа преподавателя английского языка, понимающий муж – моряк дальнего плавания, любящие дети В сердечной тайне Вера призналась мужу сразу И однажды будучи в порту Глазго на стоянке, он ходил по указанному ею адресу Джимми он не застал, а пускаться в поиски через посторонних людей тогда было опасно Морская судьба не пощадила Вериного мужа – в 1963 году при возвращении судна из Галифакса его смыло с палубы штормовой волной

Когда наступило время перемен и начались визиты английских ветеранов в Архангельск (начиная с празднования 50-летия с конвоя «Дервиш 9 ») Вера Георгиевна все чаще вспоминала про Джимми Яшу В 1995 году, прочитав заметку «Кто знавал сержанта Вилла?», «маленькая» Вера, прикованная к постели тяжелым недугом, написала большое письмо по-английски Она не знала Зину Кузнецову, которую разыскивал Билл, но помнила самого мистера Лоуза. Уж не он ли часто стоял в окне и смотрел в бинокль на проплывающие по Двине корабли и изредка – украдкой – на нее?

Когда Билл читал эти строки, то плакал и смеялся одновременно – только у него из всех жильцов дома общежития был бинокль! Он тут же отправился накес

тить «маленькую» Веру и выложил перед ней групповую фотографию, на которой среди трех десятков моряков она сразу узнала Джимми.

Вот он, второй справа сидит.

А Билл важно сообщил:

– Джимми Моррисон жив! Я обязательно передам ему весточку от тебя!

Вера Георгиевна Цируль ждала письма недолго. Моррисон писал, что в тот вечер поднял телефонную трубку, чтобы услышать от только что вернувшегося из России Билла одно: «Яша, тебе привет от Верунчика!».

Джимми на тот момент было 85, он жил в 30 километрах от Эдинбурга в небольшом городке Пибблс вот почему Верин покоритель мужественных 60 годы разыскать его в Глазго! Жена четверо детей, семеро внуков. Работал до пенсии в банке. Много путешествовал: Австралия, Америка, Германия. А в России бывал дважды но никогда не мог даже представить, что сможет когда-нибудь и что-нибудь узнать про Верунчика.

Джимми очень захотел ее увидеть: «Хорошо, если бы ты приехала в гости, да побыстрее!» А еще ему интересно, как называются сейчас в Архангельске набережная Октябрьских улиц и проспект Лавочкина. В Волгограде, какие танцы популярны и танцуют ли еще вальс «Синенький скромный платочек»? Джимми так же бережно, как Вера словарик, хранил все эти годы фотографии архангельского периода жизни. И приписал к ней коммент: «Какая ты была красивая!»

А Вера Георгиевна, перебирая их, обронила:

И он ничего. Правда, симпатичный?!

Я соглашалась и радовалась, что поиск удался и хотя бы одну из моих читательниц удалось предельно

Вера Георгиевна лежала [illegible] тяжелым переломом, [illegible] почти не вставая. Но [illegible]ость о Джимми стала [illegible]я нее лучшим лекар[illegible]ством: она научилась [illegible]новь ходить, сначала [illegible]а костылях, затем с [illegible]алкой, а по квартире – [illegible] вовсе самостоятельно. Вспомнила английский и понеслись письма в Великобританию. Хоть жизнь разломана на две половинки, переписке любящих сердец ничто теперь не мешало. За пятьдесят с лишним лет Джимми не забыл Веру, и это главное. Хэппи энд. Один из немногих в историях любви по-английски военной поры.

Вера Георгиевна Цируль в 1945 и [illegible] Джимми в годы войны

В последний ей отпущенный на земле год Вера Георгиевна очень спокойно, как неизбежность, восприняла внезапную болезнь и мужественно боролась с нею. Грузно опираясь на трость и крепясь изо всех сил, встречая меня, она весело говорила: «Оля, ты посмотри, какая на мне кофта! Это Джимми прислал в подарок». Вера Георгиевна писала многим «английским ветеранам, приятелям тех военных лет. Но вот передо мной ее последняя новогодняя открытка: «Получила поздравительное письмо от Билла и Джимми. Больше уже не от кого».

В марте 2001 го Веры Георгиевны Цируль не стало. «Крепка, как смерть, любовь», эти слова из Библии, прозвучавшие из уст отца Константина на проповеди в ар[illegible]ской церкви Всех Святых [illegible] отпевания Веры, глубоко символичны. Любовь, которую она пронесла через всю свою жизнь к английскому моряку Джимми Моррисону крепка и вечна. Веру Георгиевну [illegible] хранили в той самой кофе[illegible] которую прислал ей Джимми и которая согревала ее сердце все последние годы жизни.

У гроба рыдала хрупкая сгорбленная Елена Ивановна Иванова (рассказ о ней [illegible] впереди): «Вера, я скоро к тебе приду». Нет, нет! Поживите еще немножко! Вы так долго страдали, так долго молчали, так долго не могли найти след своей первой любви.

После смерти мамы и бабушки семья разбирала ее архив. Там нашли замечательную балладу «Вспоминая тебя», написанную Джимми после расставания с Верой в 1944 году. Незадолго до своей смерти (он ушел в мир иной почти сразу за русской возлюбленной) Моррисон дал мне разрешение, чтобы в память о Вере стихи были опубликованы. Так они обрели вторую жизнь. Ничто не уходит в никуда и не исчезает насовсем.

Jimmy Morrison

REMEMBERING YOU

It's six long months
Since we were together
But it seems like yesterday
Remembering you
[illegible] six months together
Were much too few
But they will live with me always
Remembering you

I kn[illegible]
Dull and blue
But still I can smile
Remembering you
I am all alone
With nobody new
But life isn't so bad
Remembering you
You made me happy
More than I knew
You continue to do it
Remembering you
Often I've said
Я вас люблю (I love you)
Every day I still say it
remembering you
Only you!

Вероника и Джи[illegible]
[illegible]
[illegible] 1943

ВСПОМИНАЯ ТЕБЯ

Прошло полгода
Долгий срок
С тех пор, как были вместе мы
Но я все вижу как вчера
Вспоминая тебя
О эти месяцы с тобой!
Они так были коротки
Но я в душе их сохраню
Вспоминая тебя
Я замечаю, что сейчас
Я молчаливым, хмурым стал
Я улыбаюсь, лишь когда
Вспоминаю тебя
Никто не может заменить
Тебя, и я совсем один
Но вижу жизнь
Не так плоха
Вспоминая тебя
Я был счастливым
Лишь с тобой
Но и сейчас, в разлуке
Ты приносишь радость мне,
Когда я вспоминаю тебя
Я часто говорил тебе
О том, что я тебя люблю
Я повторяю это вновь
Вспоминая тебя
Только тебя!

В Архангельске издана особенная книга. Это Книга памяти жертв политических репрессий на Севере «Поморский мемориал». Восьмисотстраничный внушительный фолиант – убедительное немое свидетельство сталинских репрессий. Поименные списки жертв, в которых вина каждая горькая и каждая затаенная. На разных страницах этой книги я встретила справки о героинях своего исследования.

«Поморский мемориал», стр. 492

«Иванова Елена Ивановна, 1918, уроженка и жительница г. Архангельска, библиотекарь медицинского института, имела на иждивении малолетнего ребенка. Арестована 18.10.46. Военным трибуналом Архангельского военного округа 28.01.47 по ст. 58-10 УК РСФСР незаконно осуждена к лишению свободы сроком на 10 лет. Освобождена 27.12.54. Полностью реабилитирована 11.06.56»

Кроме своей истории любви «маленькая» Вера рассказала мне о горькой судьбе подруги Елены Ивановны Ивановой из Соломбалы. По указанному адресу отправляюсь в надежде узнать что либо о Зине

Елена Ивановна в молодости

Азнецовой. Но и Елена Ивановна, которая хранит тайны многих землячек, друживших с иностранцами, прояснить что либо в отношении Зинаиды не смогла. Сама же Елена сполна испила из чаши страданий.

В тесной кухоньке ее крохотной однокомнатной квартиры я получила урок мужества. Елена Ивановна, ябоко кутаясь во фланелевый халат, жадно затягивает «Беломором», душа – сгусток боли, сердце – усталое, в лице – скорбь.

Олечка, а ведь боль проходит. Остается только память от этой боли.

Да. Единственное, что в конце концов остается нами, – это воспоминания. Дай Бог, чтобы эта память

Елена Ивановна

Эрик Кемпинский

была только хорошей, но в реальности чаще всего все
иначе.

Шляпка все падала и падала, кокетливая такая, вязаная из мягкого фетра, с крутыми полями вверх, а Леночка с Эриком все целовались и целовались на щербатой, покосившейся лестнице деревянного домика. На завтра он принес в кармане кителя изящную круглую английскую резинку, стесняясь, протянул: «Так удобнее будет? Пришей!» И оба прыснули со смеху.

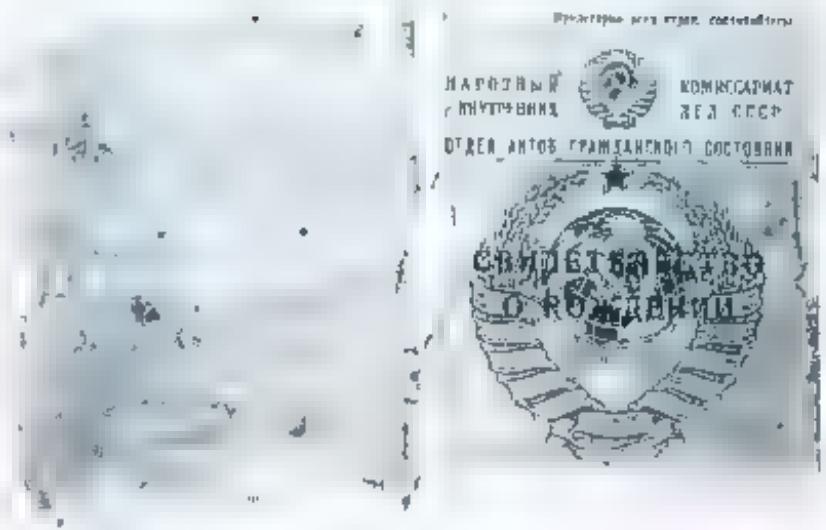
Потом был большой футбол на городском стадионе. Эрик – капитан. Команда в товарищеском русско-английском матче победила. Огромный букет цветов – по подарок советских властей – он тут же вручил Леночке и стремительно взбежал на трибуну болельщиков. Бе

Сын Лены Ивановой и Эрика Кемпбелла Эрик

локурил, высокий, разгоряченный от страсти, признался «Люблю тебя!»

Телеграфист британской военно-морской миссии Эрик Кемпбелл имел самые серьезные намерения жениться на библиотекаре Архангельского мединститута Леночке. Но подобные браки не поощрялись правительствами обеих воюющих стран. У молодых влюбленных в 1944 м родился сынок, которого назвали Эдиком. Слава Богу, в загсе зарегистрировали на фамилию отца: Эдуард Эрикович — так и записали. А вскоре после этого старшего Кемпбелла перевели из Архангельска на другое место службы. Так часто случалось, когда вышестоящие военные чиновники узнавали о серьезных взаимоотношениях подчиненных с русскими девушками. Последнее письмо Леночка получила с Бермудских островов. Но посылки с гостинцами приходили регулярно. Прислал телеграмму: «Тоскую».

Какой был Эрик, дворянин, представитель высшей аристократии, возможно, даже лорд по происхождению? Щедрый и обходительный, остроумный и культурный. Помогал Елене с студенческого института иностранных языков справляться с домашними заданиями по английскому. Интересовался, сколько факультетов, студентов на курсе, какая плата за учебу


НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ОТДЕЛ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ
СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ
Иванов
Эдуарда Эриковича
двадцать седьмого января тысяча девятьсот сорок четвертого года
Иванова Лидия Ивановна
12 февраля

Свидетельство о рождении сына Эрика Эдуарда

Эрик (справа) перед отправлением из Архангельска. 1943

в вузе (а многие ли из нас знают, что учеба в институте довоенного Советского Союза была платной?!)

Сам он многое рассказывал Елене: о том, что караваны по ленд-лизу обозначаются литерами PQ не просто так, это инициалы глубоко засекреченного человека из Лондона, который круглосуточно по рации руководит продвижением судов в Арктике. Она тоже выдала ему многие «военные тайны», что квартплата за восемнадцатиметровую комнатушку — 17 рублей в месяц, что в роддоме рожают бесплатно, что норма хлеба от 500 до 800 граммов для взрослого, а на ребенка 150–350 граммов.

Леночка «указала» ему месторасположение краеведческого музея, театра, кинотеатров «Эдисон» и «Арс» своего института. И (подумать только!) покорно выслушивала его «тенденциозные и клеветнические измышления».

«У вас запрещено выражать свои мысли, за это арестовывают и сажают в тюрьмы. У нас безработные живут лучше, чем ваши служащие. Каждый имеет дом и машину. Моя сестра хоть бы что вышла замуж за ка[illegible]да!»

Эрик возмущался советскими порядками, ежемесячно доставлял Лене десятикилограммовые баулы с провиантом и даже [illegible]л как-то 800 рублей. Девушка поделилась радостью с подружкой Тамарой. Эх, если б знать, что та «застучит» такую «новостишку»!

Елену арестовали 13 октября 1946 года прямо в библиотеке, где работала. Мама ее, Марфа Ивановна, потом рассказывала, что Эдик, которому в то время и трех лет не было, весь вечер стоял на коленях, держа ручонками портрет Сталина, и плакал: «Дедушка Иося, зачем ты мою маму забрал?»

А ей уже предъявили обвинение по 58-й статье: пункт 1а – шпионаж, пункт 6 – террор и пункт 10 – антисоветские разговоры. С работы услужливо скоро прислали характеристику: «Позволяла опаздывать. Была временами груба и дерзка. Политически безграмотна. Но благодаря замечаниям в последнее время изменилась к лучшему, вступила в политкружок».

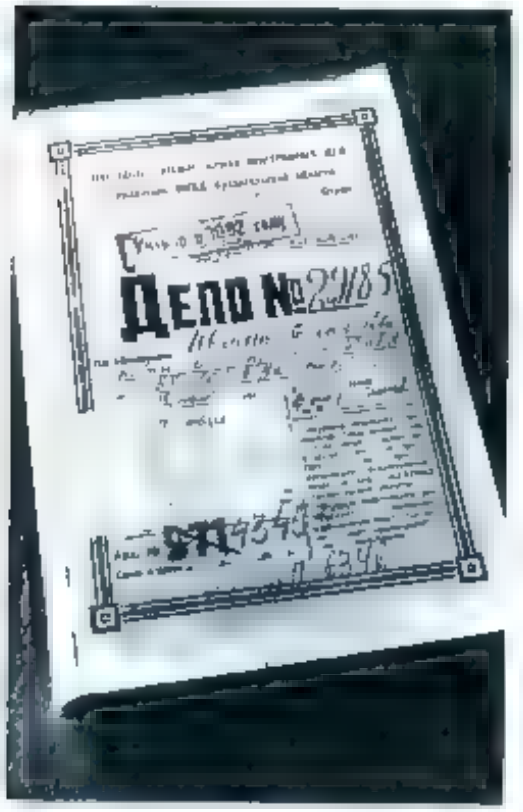
На первых допросах Елена виновной себя не признала. «В шпионской связи с английскими разведчиками я не состояла и никакой работы в их пользу не проводила». Добрый следователь не бил, а только истязал ночными пяти-, шестичасовыми допросами. Девушка не сдавалась, даже пришлось продлить срок следствия.

Наконец Елена не выдержала, «раскололась»: «Я сообщила Эрику сведения, имеющие важное значение, информировала его о политической и хозяйственной

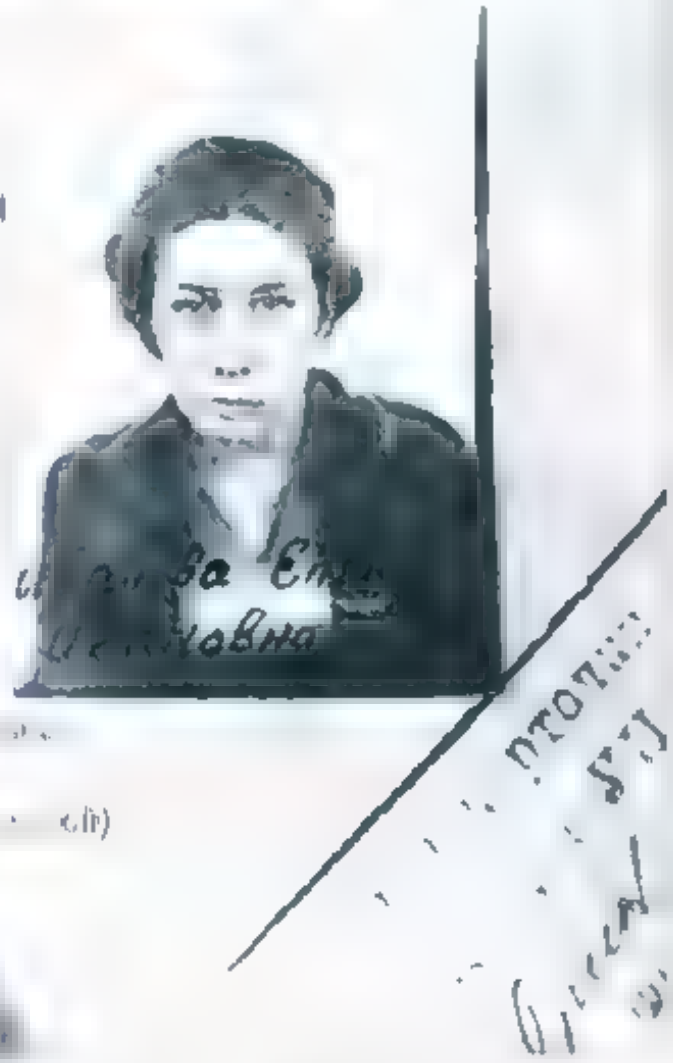
жизни, нелегально распространяла слухи о том, что Се вер будет передан в аренду англичанам на 20 лет»

Меж тем, слухи о возможной такой «аренде» роди ...ись не на пустом месте (этот вопрос позже обсуж ...ался однажды в телефонном разговоре между Стали ном и Черчиллем), и, просочившись в массы, домыслы действительно гуляли по Архангельску

В деле гражданки Ивановой наступил перелом. После ...ловали очные ставки. Показания двенадцати свидете ...ей (в том числе и вышеупомянутых), выгораживающих ...ену, теперь аккуратно подшиты в томик дела № 29185 – 230 листов протоколов, постановлений и справок. И только Тамара, тринадцатая



...ртака...ки «...ного



...ь)

...ита Елена Ив...

по счету, докладывала на всю катушку. Она имела подарки, платья, туфли, продукты, деньги».

В конце января состоялся военный трибунал, на котором Елена призналась

– Я всегда откровенно отвечала на вопросы Эрика, не понимая, что связь с ним – преступна.

Судебное заседание быстренько закрыли: срок – десять лет. Личную переписку на 31 листе, конверты с адресами, английские блокноты уничтожили «путем сожжения». На «пересылку» отправили заключительную врачебную справку: «К физическому труду годна. Диагноз хронический: спаты; невроз сердца». Никакие апелляции не помогли. Осужденную, окружив конвоем с собаками, повели на пристань Северной Двины и на пароходе переправили на Левый берег в пересыльную тюрьму.

Лене досталось место на верхних нарах. Прогулка – 20 минут в день. Жидкая баланда раз в день, и то политическим в последнюю очередь. Потом отправили в Молотовск: там работала на стройке (грузила кирпичи в «люльку») – адов труд! А иногда получала день «кантовки», когда посылали в швейную мастерскую почему-то обрезать пуговицы от потрепанных старых пальто. В глазах рябило от сотен этих пуговиц!

Этап политссыльных формировался здесь, в Ягринлаге, и собирали туда народ со всей России-матушки для последующей отправки в Сибирь. Наконец этап в 10 тысяч человек был полностью укомплектован. Левочку ждал Тайшет – лагерь для «спецконтингента особо опасных преступников», самое строгорежимное место заключения.

Расхожее выражение «хлюпкий интеллигентишка» – это и про нее. Девчоночка весила уже 35 килограммов,

а мешки на себе таскала по полцентнера весом. Загнали в каменный карьер, потом на лесоповал. В тайге не услышала тревожное «Берегись!», и сосна грохнулась прямо на голову – барабанная перепонка лопнула (результат – осталось 50 процентов слуха), но никого не волновали чужие болячки. Выжить помогала только мысль о ребенке.

Все знакомые отвернулись от семьи «врага народа», и так было долгие восемь лет. После «холодного лета 53 го» полуграмотная ее мама Марфа Ильинична стала рассылать по нужным адресам ходатайства о помиловании: «У дочери – больная печень, инвалидность третьей группы. Живем с мальчиком на мою пенсию 201 рубль. Меня разбил паралич. Эдик хорошо учится, но я не имею возможности создать ему условия для учебы. Испытываем страшную нужду, часто в доме нечего кушать».

Елена и сама проявила активность – отправила «просьбу о помиловании» Клименту Ворошилову: «По легкомыслию я позволила зарегистрировать ребенка на нерусскую фамилию и не понимала, что переписка с Кемпбеллом является нелегальной, карается законом. За это я отсидела уже восемь с половиной лет. Прошу пересмотреть сроки моего наказания. От вашего решения зависит счастье моей маленькой семьи». И вот дело сдвинулось с мертвой точки.

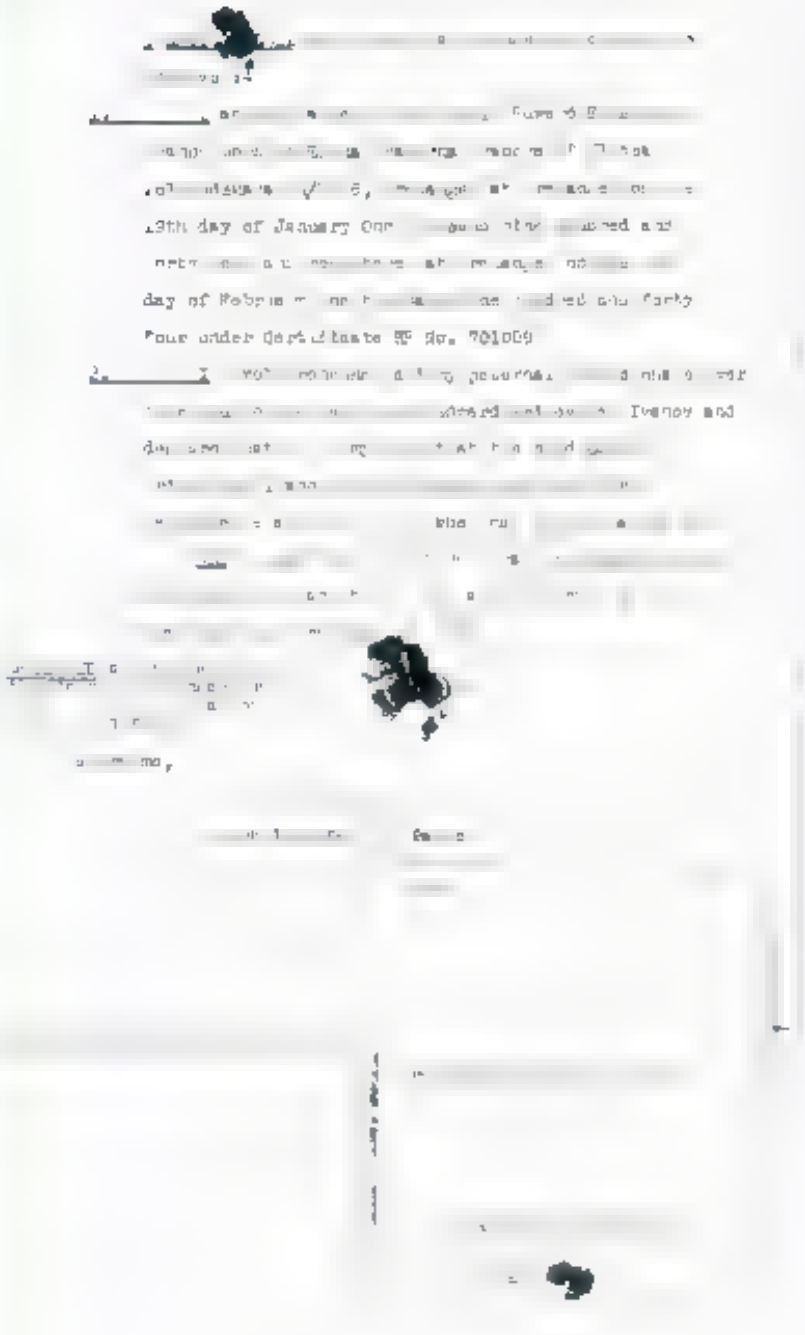
От заместителя Генпрокурора Н. Рычкова в Военную коллегию Верховного суда полетел протест: «При наличии имеющихся в деле данных у суда не было достаточных оснований для признания Ивановой виновной в измене Родине, поэтому приговор подлежит отмене, а дело – прекращению».

Следом было определение Верховного суда: «Приговор военного трибунала от 28.01.47 г. отменить

Елена после лагерей
Написать на обороте
«То, что мы пережили
забыть невозможно»

Дело прекратить за отсутствием состава преступления. Иванову из-под стражи освободить». Так после девяти лет печально знаменитых тайшетских лагерей «малолетка и террористка» была полностью реабилитирована.

Вернулась домой больной и разбитой. В библиотеке мединститута приняли с распростертыми объятиями, а зарплату дали совсем мизерную. Соломбальскому ребенку, имеющему отца капиталиста, пособий от советского государства не полагалось. Эдик не смог получить приличного образования, даже среднего специального и все благодаря своей фамилии. Так до смерти (он неожиданно умер в возрасте пятидесяти лет от инфаркта) и был простым рабочим на лесозаводе.



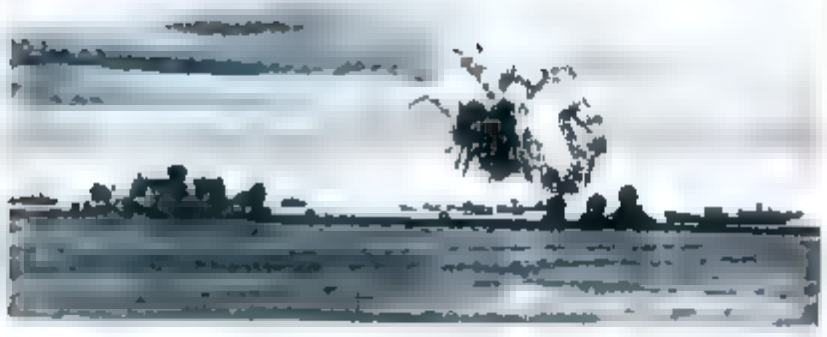
Сын Эрика Эдвард

В надежде получить как
ть-одиночка мало-мальское
особие на сына отчаявшаяся
лена принялась хлопотать
з лишении Эрика Кемпбелла
тцовства через Министер-
ство иностранных дел Это
жказалось долгои и непростой
атеей, ведь в Англии не при
нято отказываться от детей

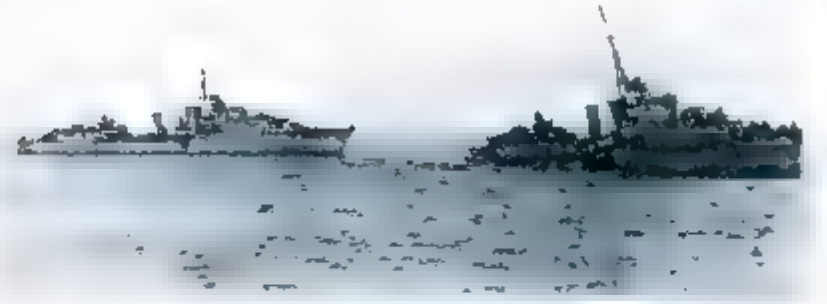
Эпопея завершилась полу
чением из посольства Велико
ритании важного документа
Елена Ивановна протягивает
мне оригинал заявления, сде
анного господином Кемпбеллом вполне сознатель
ос «Торжественно и искренне заявляю под Присягой
следующее: я являюсь отцом Эдварда Эриковича, рож-
денного Е И Ивановой в Архангельске 19 01.1944 г.,
т отрекаюсь от всех своих отцовских прав на назван-
ного ребенка в дальнейшем. Графство Ланкастер, Ман
честер. 15.08 59 г». Окольными путями до Лены долли
хи о том, что Эрик обиделся на нее до глубины душ и
на нанесенное оскорбление и несмываемый позор

Впрочем, Елена простила Эрику непонимание ее
шага. То для нее было безысходностью. А чтобы раз
ираться в советских законах и политических установ-
ках, надо жить в этой стране Кроме того, Эрик не знал
про ее ГУЛАГ

Лена так и не вышла замуж «Я однолюб», да и
ю поклонников ли, когда все заботы были о куске хле
ба для сына и для себя «Любовь долготерпит, мило



Гибель корвета в одном из конвоев



Снятие команды с торпедированного корабля

(Обе репродукции из книги Ричарда Вудмана. – Прим. ред.)

сердствует, всегда надеется, все переносит», как сказано в Библии, и, когда Эдик умер, Елена Ивановна решила сообщить отцу о смерти сына, но письмо вернулось из Манчестера с отметкой, «Адресат выбыл»

Встреча с Биллом стала новым рубежом в жизни Оказалось, он хорошо знаком с Кемпбеллом. Билл как раз был в Архангельске в 1942 году, когда моряки с погибших судов каравана PQ-17 были доставлены туда. А Эрик следовал к месту службы в Архангельске именно с этим печально известным PQ-17. Билл рассказывает мне

Чудом оставшиеся в живых моряки этого каравана в основном прибывали в Мурманск, меньше – в Архангельск. Многие были обморожены, закутаны в намокшие байковые одеяла. Под госпитали оборудовали школы. Они лечились, приходили в себя, а до отправки домой в Великобританию делать им было нечего и в ожидании попутных судов они все играли в футбол

С местным населением они контактировали совсем мало, потому что считалось, что чем меньше контактов, тем лучше. Во-первых, русские вообще были настроены против иностранцев Во-вторых, мы жили в разных местах Архангельска, в Соломбале, Экономии, Майнаксе, на Бакарице Эти районы, расположенные в нескольких километрах друг от друга, в те времена не имели прямой связи с центром Архангельска. Нужно ехать на лодке, зимой – идти по льду Но с Эриком мы все же встречались

После участия в уникальной экспедиции к берегам [redacted] земли «Конвой 2013», что мы когда-то [redacted] [redacted] [redacted]

судов «Olopana» и «Alcoa Ranger» из легендарного по
ярного каравана PQ-17, в разговорах со мной Билл стал
постоянно подчеркивать, что, возможно, в 1942 году
Эрик даже воочию наблюдал с палубы своего корабля
гибель «Олопаны» и «Алко рейнджер». И эти сильные
должно быть, впечатления не стираются из памяти

Чемодан Билла пополнился фотографией симпа
тичной Эриковой внучки Ирины. По мнению ветера
нов английских конвоев, приезжавших в Архангельск
вместе с Биллом и тоже знающих Эрика (им он извес
тен как бывший профессиональный футболист, и сей
час даже получает довольно неплохую, и они говори
ли об этом с нескрываемой завистью, дополнительную
пенсию от футбольного клуба), Ирина и двое ее дети
шек очень похожи на деда-прадеда

А еще я послала с Биллом письмо для Эрика. «Уважа
емый мистер Кемпбелл! Пишет вам журналистка Ольга
Голубцова. Я узнала трагическую историю жизни Еле
ны Ивановны Ивановой. За любовь к англичанину она
провела девять лет в тюрьмах и лагерях. Она не вышла
замуж, потому что всегда любила вас. Одна воспитыва
ла и растила сына Эдуарда

Да, ей пришлось просить вас о формальном отка
зе от отцовства, ведь она не могла из-за этого получать
пособие на ребенка – такие были у нас жестокие зако
ны. Эдуард умер. Но в Архангельске живет ваша внучка
Ирина, у нее две дочки – Яна и Марина, ваши правнучки.
Они очень хотят получить весточку от вас! Они не ви
новаты в том, что жизнь раскидала всех вас в разные
стороны. Елена всегда жила и живет достойно, хотя горя
и слез ей выпало немало. Если вы захотите написать ад
рес Елены: Архангельск, Соломбала, ул. Советская

Билл, как и обещал, разыскал Эрика. Встречались они на нейтральной территории, втайне от нынешней семьи Кемпбелла. И вскоре Елене Ивановне прилетело письмецо, которое перевела «маленькая» Вера, Вера Георгиевна Цируль. Мы втроем сидели и рыдали: «*Моя дорогая Елена! Трудно выразить словами мои чувства, когда я услышал от Билла Лоуза о твоих ужасных годах после окончания войны. Я действительно ничего не знал о тех тяжелых испытаниях, которые тебе пришлось вынести из-за меня. Нет способа, чтобы я мог возместить все это теперь. Пожалуйста, знай, что ты была моей первой любовью, и мы были очень счастливы вместе, но судьба распорядилась иначе.*

Мы оба подходим к концу жизни на Земле, возможно мы сможем встретиться на Том Свете и возместим потерянные годы. Елена, я на самом деле не знал, как сложилось все, но уже ничего нельзя изменить. Надеюсь, у тебя будут еще счастливые дни, проведенные с внучкой (она выглядит очень симпатичной девушкой). Спасибо тебе за фотографии. Я всегда буду помнить о том времени, которое мы провели вместе. С любовью Эрик»

Под подписью стояло пять крестиков: x x x x x. На языке любви по-английски каждый означает поцелуй... Тем роковым вечером первых страстных признаний они целовались и целовались, а шляпка все падала и падала.

Впервые за годы своего поиска я сказала: «Лучше бы я его совсем не находила». Было больно, как никогда, но Елена Ивановна опять преподала урок мужества, спокойно посоветовав:

– Не кори себя. Береги сердце!

Когда Билл вновь прибыл в Архангельск, то помчался к Елене Ивановне – две седые головушки, две разные беды вновь сошлись вместе. Билл плакал о Зине, которую никак не может разыскать, Елена – об Эрике. На прощание Билл обещал еще раз поговорить с Кемпбеллом, но Елене Ивановне это было не нужно:

Зачем? Жизнь уже не перекроить. Тяжело вспоминать годы, которые принесли мне и моей семье столько горя. Но я почему-то часто слышу звуки вальса с Эриком, и они меня плавно уносят куда-то в вечность.

Теперь Лена и Эрик смогут встретиться только на небесах. Она умерла, простив за свою горькую судьбу и его, и всех других.

Говорят, любовь укорачивает войну, и наверняка это так.

Скорбным потоком почти все девочки пошли за свою любовь по ленд-лизу в ГУЛАГ. То была не широкая река, скорее ручеек, составляющий ту реку. Ручеек с соленой от слез водой.

Но, пока жива память сердца, в душе поседевших от разлук девочек будет звучать военный вальс любви.

Я часто в мыслях возвращаюсь к этой истории и думаю о судьбе сына английского лорда, который был простым рабочим на лесозаводе. А кем еще в советской стране могли стать дети с английскими фамилиями?! А какие унижения (вслед кричали нелепое, но обидное тогда «Янки, гоу хоум!») со стороны сверстников им пришлось испытать! И сколько еще детей союзников осталось в бывшем Советском Союзе!

Подтверждение тесных контактов русских женщин с иностранными моряками приходило самым неожиданным образом – иногда с цветом кожи малышей

Когда в 1952 году на экраны вышел фильм по расска ну Станюковича «Максимка», зрители недоумевали, от куда взялся негритенок, так хорошо говорящий по рус ски? Для архангелогородцев это не составляло секрета Толик родился на Бакарице, в одном из пригородов Ар хангельска. Его малограмотная молоденькая мама, кру тившая роман с негром, прибывшим с первым конво ем (среди экипажей было немало чернокожих граждан США), даже не поняла, кого она родила, в роддоме ей с испугом показали темненький сморщенный комочек' Но Толика полюбили в простонародье, молва носила да тем «На Бакарице живет негритосик». Съемочная группа разыскала «Максимку» Толю в Архангельске Советский кинематограф продемонстрировал чудо вищный цинизм, после съемок в холодной воде маль чишка, так ярко начавший актерскую карьеру, просту дился, долго болел, стал никому не нужным Плачевна судьба маленького актера Толика Бобыкина, талантли вый мальчуган так и не нашел места в советском обще стве

Поморский мемориал», стр 497

Иевлева Валентина Григорьевна, 1928, уроженка и жительница г. Архангельска, неработающая, на иждивении имела дочь. Военным трибуналом войск МВД СССР по Архангельской области 10.01.47 по ст 58-10 УК РСФСР незаконно осуждена к лишению свободы сроком на 6 лет с поражением в правах на 3 года. Сведении о дальнейшей судьбе нет. Полностью реабилитирована 26.10.59»

В отличие от Веры Цируль у других девушек не было таких могущественных заступников, как Папанин. Вот и праправнучка сподвижника Петра Первого, Сильвестра Петровича Иевлева, строившего в 1702 году первую российскую судоверфь в Архангельске, Валечка Иевлева не подозревала, что скоро попадет в цепкие объятия НКВД. Каждый день девчонка бегала мимо памятника Петру – это он прорубил окно в Европу, и теперь крепко запечатанные чекистами ставни вновь были открыты. Прямо за памятником на набережной Сталинских ударников – школа. В ней расположился госпиталь. Здесь перед ранеными часто выступали дети, и Валя тоже.

Валентина с матерью перед войной

Шесть лет в ГУЛАГе за дружбу с иностранцами [illegible] затем полная реабилитация. Но Валентина Иевлева говорит: «Я согласна отсидеть еще 10 лет, чтобы повторить юность, которая была согрета уважением, бескорыстной помощью и галантностью иностранных моряков».

Незатейливую книжицу в тоненькой обложке «Непричесанная жизнь», изданную правозащитной организацией «Возвращение», которая публикует мемуары жертв сталинских репрессий, я проглотила за ночь. Воспоминания о ГУЛАГе бывшей архангелогородки Иевлевой открывали лагерную беспросветность совершенно с иной стороны, в каждой строчке – музыка любви. В тюрьме у нее – лирическая встреча, на пересылке

очередная влюбленность на этапе новая искрометная страсть, на лесоповале – сумасшедший роман

Умница Валя, попавшая в неволю за «сомнительные связи с иностранцами в годы войны», перешагнула через горе и беду и даже в лагерном бараке за колючей проволокой любила и была любимой. Так о ГУЛАГе до нее никто не писал. И не то чтобы Иевлева продемонстрировала писательский талант, но исключительный талант к жизни, оптимистический настрой и необычайную энергетику женского духа – это несомненно.

Перевернув последнюю страницу, я поняла, что окончательно запуталась во всех лабиринтах ее страстных романов: сколько же поклонников отвергнуто-приголублено? Со счета сбилась. Уже потом, при встрече, спросила:

– Валентина Григорьевна, наверное, у вас в жизни было сто поклонников?

Царственно вскинув седую голову, она снисходительно улыбнулась:

– Ну что вы, Олечка! У меня одних только англичан было сто, и то к 1945 му!

В интеллигентном облике моей семидесятилетней собеседницы ни намека на вульгарность и распущенность. Только обаяние и почти детская романтичность. Праправнучка сподвижника Петра Первого – Сильвестра Петровича Иевлева, строившего в 1702 году судоверфь в Соломбале.

Дочь «врага народа» – отца в 1937 году неведомо за что арестовали и расстреляли, но девчонка не сгорбилась под гнетом обстоятельств и не замкнулась. Занималась в драмкружке и балетной студии при архангельском Доме пионеров. Несмотря на войну и начавшиеся

В молодости (с картины [illegible]

бомбежки, работа городских детских учреждений культуры не прекращалась

Когда появились госпитали, Валя Иевлева предложила одноклассникам создать концертную бригаду и выступать перед ранеными. Идея ребятам понравилась. Валюшку выбрали конферансье. А еще она танцевала лезгинку и попеременно с однокашником Петей Прониным пела. Он исполнял «Раскинулось море широко», а она «Я на подвиг тебя провожала». Раненым нравилось, аплодисментов не жалели.

Во время одного из таких концертов Валя увидела в палате обожженного летчика и содрогнулась. Как узнала позже, это был Константин Усенко. Его самолет оберегал [illegible] союзных конвоев от налетов вражеских подводных лодок и авиации. После жестокого боя с врагом Усенко, едва живой, оказался на больничной койке. Юным артистам приходилось видеть в госпиталях сотни искалеченных людей, но взгляд летчика девчонке запомнился.

Через год довелось Вале встретиться с ним на танцах в клубе. Константин только из госпиталя выписался. Он все пытался пригласить кого-нибудь на танго, но девушки, взглянув на следы ожогов, отворачивались. Вале стало его так жалко, что как только объявили «белый танец», она помчалась к нему. Очень он удивился ее прыткости. Как они вальсировали! На глазах мужественного летчика выступили слезы... А через 50 лет – видно, судьбе так угодно было – они встретились в третий раз. В Архангельске отмечался юбилей «Дервиша». К Валентине Григорьевне подошел Герой Советского Союза.

– Не узнаете?

Иевлева замешкалась, а он продолжал:

– А я вас сразу узнал. Помните, вы приглашали меня на танец? В 1941-м? Я этот вальс на всю жизнь запомнил.

Какая встреча! Словно старые друзья после долгой разлуки, они не могли наговориться...

Молодость. В пятнадцать лет Валентина уже кружилась в вихре танца до утра в Интерклубе, плясала цыганочку и имела бешеный успех среди англичан. Чтобы разнообразить досуг, Валя организовала с иностранцами подобие хора: от руки переписала печатными буквами песню «Прощай, любимый город» на десяти листочках, раздала хористам и заставила выучить. К восторгу публики, пение получилось на редкость слаженным и стройным.

По Архангельску королева интерклубовских балов всегда гуляла в сопровождении ватаги англичан. Добровольная милиция пыталась наставить на путь истинный «зарвавшуюся» советскую гражданку, нередко отправляя ее в КПЗ прямо после танцев. Но Валюшка терзила: «А ну-ка давайте мне в камеру 16 тряпочек на папильотки, чтоб кудри к утру навить!» Девчушка знала, что с несовершеннолетних спрос невелик – попугают и выпустят.

Первой Валиной любовью стал двадцатилетний американец Бэл Рауграфт, мичман с корабля «Томас Хартли», стоявшего на разгрузке в Молотовском порту три месяца. В Архангельск Бэл приехал отдохнуть и остановился в «Интуристе». Вот как описывает эту историю сама Валентина в сохранившемся и по сей день дневнике (цитирую с оригинала без значительной правки и купюр): *«Едва наступил рассвет – все мои мысли вновь*

о Бэле. Встретились в два часа дня у гостиницы. Он провел меня в номер. За столом сидели пять американских офицеров, которые при виде меня встали с приветствием. Стол накрыт на семерых. Значит, меня ждали. Все окружили меня вниманием и наперебой ухаживали. Доктор Филип, молодой человек в очках, наклонился к Бэлу и что-то шепнул. Я сразу поняла – про меня. Оказывается, он спросил, зачем я так накрасила щеки. Бэл ответил, что у меня естественный румянец, но Филип не поверил. Пришлось продемонстрировать с полотенцем, и доктор проиграл спор.

Вечером отправились в Интерклуб, а на танцах друзья Бэла продолжали уделять мне внимание. Назавтра

с они уезжали в Молотовск на свой корабль, поэто
побежала ночевать к подруге Гале, чтобы взять
нее молотовский адрес ее двоюродной сестры. Со свой
ственным молодости эгоизмом я и не подумала о маме
с ним утро, едва встретившись с Бэлом, поехала с ним
Молотовск.

Под стук колес в поезде я дремала, склонив голов
на его плечо. На одной из станций долго стояли, в вагон
вошла женщина с ягодами. Бэл купил мне стакан чер
ники и сказал, что в Америке тоже есть такие ягоды,
и теперь дома он будет вспоминать меня, когда дове
ется отведать черники.

С каждой минутой я все больше влюблялась в Бэла.
В Молотовск мы приехали к вечеру. Бэл проводил меня
до Полины и, убедившись, что я устроилась, отпра
вился на пароход. Город мне не понравился: деревянные
мостовые и серые здания, но Полина встретила при
ветливо. Я отдала ей записку от Гали и легла спать,
только вспомнив о маме, она в тревоге ждет меня, а если
я не приеду еще день-два? Надо срочно написать ей пись
мо – с этим решением я спокойно уснула.

В восемь утра Полина ушла на работу, а я зашла по
знакомиться к соседям. Две сестры – Валя и Галя Курба
новы, очень добрые. Попросила листок бумаги и посла
маме треугольник без марки с адресом, чтобы она не бе
покоилась. В полдень пришел Бэл и начал выкладывать
из карманов бутерброды с ветчиной и сыром. Он принес
даже бутылку с какао! Когда я подкрепилась, Бэл обнял
меня и начал осыпать поцелуями. Его ласки убаюкивали
меня, и я замирала от счастья. Вдруг Бэл спросил:

– Валя, ты никогда не была с мужчиной?

– Никогда.

Какая ты хорошая девушка!

И он не тронул меня, хотя сладить с собой ему было трудно. До вечера мы целовались, но ему нужно было на корабль. Вернувшаяся с работы Полина порадовалась бутербродам. А я все мечтала, «Скорее бы наступило завтра!»

Неделя пролетела как мгновение. Я пошла на базар, чтобы обменять сигареты на хлеб и картошку, и вдруг — чудо! Навстречу мне идет мама! Я обняла ее. «Что ты со мной делаешь, я чуть с ума не сошла!» – «Мама, я выхожу замуж». Вечером мы пошли с Бэлом в клуб. Моросил мелкий дождь, и он набросил на меня китель. Я шла и слышала реплики прохожих: «Красивая пара!» Через три месяца я узнала, что предстоит разлука навсегда. Желание ощутить близость с любимым было так велико, что я решилась в последнюю ночь на это.

– Бэл, я хочу бэби.

– Что?!

Я повторила, но он ответил

– Послушай, любимая. Я американец, а ты русская, нам невозможно жениться, поими. Ты очень хорошая девушка, и я не хочу, чтобы ты пошла по рукам после меня. Я очень хочу тебя, но ты мне дорога, и я не буду тебя портить.

Я вся горела от хаоса чувств и мыслей, он меня отверг! За ночь я не сказала ему больше и слова, так рассердилась. А наутро мы встали напротив друг друга. У него в глазах слезы.

– Прощай, клянусь, когда женюсь, первого ребенка назову твоим именем.

Я зарыдала. Все кругом померкло»

Здесь записи о Бэле обрываются... Но вскоре свет любви вновь увлек Валентину: она полюбила Уоррена Боусли, моряка родом из Бруклина. «Это был лучший год в моей жизни», – говорит она сейчас, хотя появив[шей]ся от этой большой любви на свет божий доченьку она назвала Беллой. Отчасти все же – в память о первом возлюбленном Бэле, отчасти в честь Изабеллы Юрьевой. Валя все продолжала кружиться с американцами и англичанами в вихре любви под музыку биг-бэнда, а война тем временем окончилась. Арест был неизбежен, всех хорошеньких девчат уже взяли. В 1946-м настала и ее очередь.

Во время обыска забрали два мешка иностранных продуктов – как доказательство преступной связи. Она от отчаяния запела английскую песенку «Типперери» – полотенцем заткнули рот. В одиночной камере, чтоб не сойти с ума, она без устали вновь поет, танцует, читает стихи, а надзиратель хихикает, глядя в щелку. Валю обвинили в шпионаже, но она не уступила и не «призналась чистосердечно». Осудили на шесть лет каторжных работ: ее ждал Салехард, стройка № 501, «мертвая дорога» (эту железнодорожную ветку строили там ниоткуда и в никуда – просто чтобы «занять» заключенных).

Я разыскала Валентину Григорьевну Певлеву сразу же после прочтения ее книги «Непричесанная жизнь» – исповеди на тему лагерной любви. Мы встретились в Москве у музея мемориала Андрея Сахарова. Валентина Григорьевна показала мне экспозицию ГУЛАГа. Вот они, экспонаты от Певлевой: ее дневник из тюрьмы, туфельки, в которых танцевала на лагерной сцене, лаяющая шкатулка, сработанная заключенным и подаренная на память Валюше.

КОНЦЕРТ

Жизнь в лагере не смогла сломить дух Иевлевой Она быстро приспособилась к повседневной жизни, не страшилась лесоповала и производства кирпичей Но главное, ей пригодилось актерское ремесло. Она иг рала на лагерной сцене шесть лет

Ночами конечно же были и слезы тоски по доченьке оказавшейся в детдоме, Заботливая воспитательница регулярно писала. Одно из сохранившихся писем тоже представлено в Сахаровском мемориале: «Здравствуи те, Валентина Григорьевна! Поздравляем вас с Новым 1952 годом и желаем, чтобы вы скорей возвращались и больше никогда не разлучались с дочкой Изой Иза росит написать: мама, у меня много разных игрушек

Валентина Невлева-Никитенко (справа) с артистами Еленой Соловей и Людмилой Нильской в фильме «Бешеные деньги»

куклы, машинки, много книжек. Есть санки, и мы катаемся с горки. У меня хорошая шубка, новые валенки, красивая шапочка и шерстяной шарфик. На улице мне тепло. Я научилась считать до 20, а на утреннике буду Снежинкой. Целую тебя, моя любимая мамочка. Твоя дочка Изабеллочка»

Когда Невлева освободилась и забрала Беллочку из архангельского детдома, все ее мечты были о Москве и театре. Обратилась за помощью к известной актрисе Зое Федоровой, а та привела ее на «Мосфильм». Валентину взяли, даже поставили на актерский учет и доверили эпизодические роли. За 35 лет работы на киностудии их накопилось более двух десятков. А жить в Москве таким, как она, было запрещено, так и оказа

ась на печальном знаменитом 101-м километре в поселке Струнино Владимировской области.

За чашкой ароматного чая уже у себя дома Валентина Григорьевна продолжает свои рассказы. Было в жизни немало удивительного, про все написано в 25 пухлых (по 96 листов) тетрадях-дневниках. Всегда любила и была любима.

– Если мне понравился мужчина – я должна была быть с ним хоть одно мгновение! Но я больше всего ценила свободу. У меня и сейчас роман в письмах с одним поэтом. Королевной меня величает. И ощущаю я себя опять восемнадцатилетней!

Актриса Валентина Невлева-Никитенко в фильме «Отец Сергий»

Сколько искорок и молодого огня в ее глазах, когда демонстрирует мне кокетливый шелковый халат-кимоно, собственноручно сшитый на днях для любовных свиданий.

Я умею довольствоваться малым: что дает судьба тому и благодарна, – Валентина Григорьевна искренне открывает мне тайны своей философии. Судьба награ

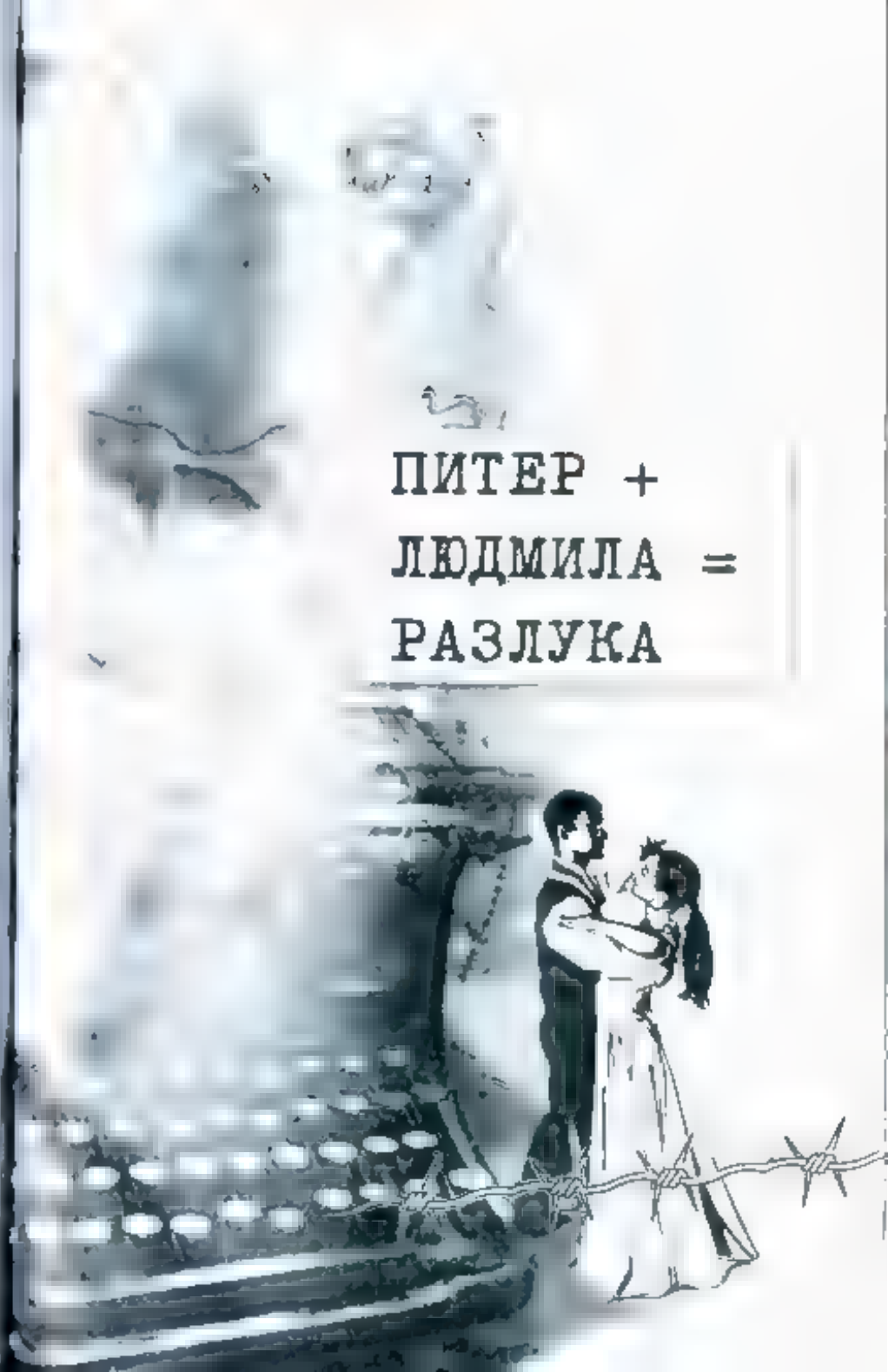
дила ее хорошими друзьями: Михаил Ножкин с женой Ларисой, Татьяна Окуневская, Вацлав Дворжецкий (до самой смерти писал ей письма). Каждое произнесенное знаменитое имя имеет подтверждение: фотография, вот поздравление с днем рождения, эта книга с автографом, а это приглашение на юбилей.

Ни одного злого слова ни о ком, ни о чем. В браке с последним мужем она прожила шесть лет: молодой 30-летний ученый, профессор университета им. Патрика Лумумбы взял ее замуж с пятью детьми — чем не сказка?! Но счастью век короток: муж вскоре умер от неизлечимой болезни, подарив еще одного малыша. Казалось бы, сердце должно разлететься в клочья. Но это не про нее. Любовь была и остается сутью и формой ее жизни. Любовь ко всем и ко всему.

– Я улыбаюсь сегодня солнцу и не боюсь завтрашней непогоды.

Наверное, такой неисправимой оптимисткой вспоминают Валечку Иевлеву все ее сто англичан.

Совсем недавно от «соломбальской зажигалочки» (так ее называли в молодости до сих пор) пришло радостное письмо. В городе Александрове, «столице» печально знаменитого 101 километра, в литературно-художественном музее состоялась выставка «Непричесанная жизнь», посвященная нашей героине. Забыв про свои годы Валентина Григорьевна продолжает активную общественную жизнь: пишет воспоминания о лагерном периоде, участвует в мероприятиях Фонда Солженицына, общества «Мемориал» и музея А. Д. Сахарова.



Почти у всех иностранных моряков, водивших в грозные годы войны корабли с ленд-лизовскими грузами в Россию, были русские подруги. Вот и хорошенькая архангелогородка Люся Хохлина целый год встречалась с капитаном Питером Сквайром, а когда его перевели в посольство в Москву, поехала следом. В столице они поженились. Причем влюбленного Сквайра увещевали старшие коллеги: «Статус дипломатического работника несовместим с женитьбой на русской, после свадьбы вы будете немедленно отправлены в Лондон!»

Таков был британский закон от 1942 года. Однако мрачная перспектива разлуки не остановила Сквайра перед решительным шагом. Женившись, он подчинился официальным требованиям и покинул Советский Союз, но в конце концов намеревался перевезти законную жену в Англию. И Людмила, слепо веря в счастливый финал, томилась в ожидании разрешения на выезд из СССР.

В 1946 году уже 15 молодых русских женщин, связавших свою судьбу с англичанами, надеялись получить выездную визу. В целях безопасности (НКВД развернул активную охоту за «советскими женами») все они жили на территории Британского посольства. Там и ра-

Москва, 1946

ботали. Люся, как и другие добровольные затворницы, не теряла надежды на воссоединение с мужем.

Питер Сквайр уже демобилизовался и продолжил учебу в Кембриджском университете. Он вместе с другими английскими мужьями пытался протестовать: выходили в Лондоне к зданию Советского посольства с плакатами «Верните наших жен!». Историей запертых в Москве соломенных вдов заинтересовалась английская кинохроника, был снят коротенький фильм о жизни русских женщин в Британском посольстве. Фильм имел успех, но не сдвинул дело с мертвой точки.

Между тем холодная война набирала силу. Английский посол решил сам разрубить гордиев узел. Он вызвал всех 15 жен и предложил им развестись с мужьями. Так равнодушно бросили на произвол судьбы этих молодых женщин правительства обеих стран. К тому времени Людмила была уже изрядно издергана.

Известий из дома не было. А тут еще приятельница мамы, тетя Катя, сообщила, что родителей в Архангельске исключили из партии за непатриотичное воспитание дочери. Люся поняла: все двигается к тому, чтобы арестовать ее семью. Родственники в Москве, не желая рисковать, отвернулись от нее.

В органах же «рекомендовали» изменить решение об отъезде, всячески оговаривая Питера. Показали докладную записку от марта 1944 года на имя замнаркома иностранных дел С. А. Лозовского, где корреспондент Совинформбюро В. П. Беляев в числе прочих фактов освещая вопрос о союзниках, прибывающих в порты СССР, сообщал: «Английский капитан Питер Сквайр, проживший больше года в Архангельске, сказал мне [illegible]

[illegible] 1947

Людмила Сквайр (крайняя слева) среди других советских жен. Британское посольство в Москве. 1946

[illegible] человек, тайно работающий в органах НКВД»

Высокопоставленный приятель Людмилы, Окунев, настоятельно рекомендовал ей бросить затею с отъездом, да и самого Питера. Не выдержав мощного напора негативной информации, осенью 1948 года Людмила Сквайр потребовала развода. Газета «Известия» тут же публикует ее «открытое письмо», написанное буквально под дулом пистолета. «Узнав, что мой муж принял участие в антисоветской кампании, не хочу оставаться женой подобного человека. Я не хочу быть игрушкой в руках британских политиков, которые разрушили мою жизнь, не разрешив моему мужу жить в России и заставив его немедленно вернуться домой, узнав, что он женился на русской

Оставшись без кола без двора, Людмила задумалась, куда бы ей притьнуться. Выход нашелся быстро. Окунев! Известный писатель, Герой Советского Союза! И ухаживал за ней настойчиво. После академии им. Фрунзе Окунев выучился на курсах военных дипломатов и готовился к отъезду в Китай. Людмила скоропалительно вышла за него замуж, лишь бы вон из Москвы, забыть Сквайра! Но в Баку, при прохождении таможни перед отлетом в Пекин, ее задержали.

В сопровождении трех офицеров КГБ повезли обратно в Москву, прямиком на Лубянку. Приписали шпионаж, антисоветскую агитацию, выпытывали, на какую разведку работала. А Окунев сразу же затерялся-исчез, видно, не захотел портить свое карьеру.

Людмила попала в Лефортово, потом ее перевели в тюрьму на Таганке. Однажды в камере разоблачила стукачку. В наказание попала в одиночку, где на третий месяц начала сходить с ума. Отказывалась есть, думала – отравят, и превратилась в скелет. Начали выпадать волосы. Людмилу ожидал ад лагерей.

Однако судьба была милостива и подарила удивительную встречу и общение с необыкновенным человеком – популярнейшей актрисой, которую еще недавно буквально на руках носил весь Советский Союз. Ею была Лидия Андреевна Русланова, которую потрясла история любви Люси и Питера, и она стала задушевным другом Хохлиной-Сквайр. А дело было так.

После объявления приговора Людмилу доставили в пересыльный пункт г. Куйбышева – барак, до предела набитый людьми. Огромный человеческий муравейник, где люди лежали не только на нарах, но и под нарами и в проходах между ними. В нормежском свитере,

модных брючках и с английскими саквояжами в обеих руках, вдобавок с обритой наголо головой, Людмила смотрелась на пороге нелепо, а ступить дальше – некуда. Вдруг подбегает симпатичная молодая особа

– Вы иностранка?

– Нет

– Из Прибалтики?

– Нет Из Москвы

– Пойдемте, мы вас устроим!

И ведет к нарам, где теснятся уже четыре женщины Одна – в обезьяньей шубке с капюшоном, опушенным мехом чернобурки

– Знакомьтесь: Лидия Андреевна Русланова

Людмила по наивности спросила

– Та самая? А я слышала, что вы повесились в тюрьме на капроновом чулке

Русланова засмеялась. Каких только небылиц не ходит по белу свету про нее! Еще тут же сидели жена Бориса Горбатова – актриса Таня Окуневская и Ядвига Павлова Данченко, внучатая племянница Немировича Данченко. Втиснулась и Людмила. Спали все на боку, на спине не помещались. По команде разом дружно переворачивались.

Наконец отправили по этапу. Посреди грузового вагона стояла маленькая печка буржуйка. Давали уголь, но московские интеллигентки топить не умели. Холодище стоял такой, что платки на головах за ночь примерзали к стенам. Тогда состряпали график и по очереди дежурили у времяночки. Когда на смене стояла Лидия Андреевна – все блаженствовали. Уж она печурку до красна раскочегарит! А еще Русланова проникновенно читала стихи Осипа Мандельштама

Как кони медленно ступают
Как мало в фонарях огня
Чужие люди, верно, знают,
Куда везут они меня.

В пути Людмила сильно заболела, в Томске ее собирались снять с поезда. Лидия Андреевна взялась за лечение. Сварила в алюминиевой кружке кофе, насыпала много сахара и достала из ридикюля три таблетки

– Пей!

Наутро болезнь как рукой сняло. В пути Русланова пользовалась ларьком, что покупала, всегда делилась, особенно лекарствами. И охранники к ней, конечно, относились немножко иначе, давая кое-какие послабления. Она говорила:

– Я не очень богата, всего 18 тысяч рублей с собой на мелкие расходы.

У иных и рубля не было... В Новосибирске в теплушку ввалилось областное начальство

– Здесь есть Крюкова? (Надо заметить, что шла она под фамилией мужа, генерала армии Крюкова, арестованного годом раньше.)

– Здесь есть Русланова! Ну что, посмотрели? А теперь можете убираться!

Девчонки дрожали со страху. Русланова только смеялась. Она, очень скучавшая по дочери Маргарите, отнеслась к Люсе как к родной, всячески ее опекала. И не раз помогала выкарабкаться из беды. Элитный актерско-лагерный этап следовал все дальше в Сибирь. Писатель Борис Дьяков тоже репрессированный в 1949 году находился в этом же составе. Позже в «Повести о пережитом», опубликованной в 1966 году, одну страницу он посвятил Руслановой и Людмиле Хохлиной

Тайшет. Вытряхнули нас из вагона, морозяка 50 градусов. Выстроились двумя шеренгами. В последнем мужском ряду были я и Лелька, а у женщин Русланова и молодая хрупкая особа в лакированных туфлях, легком пальто и рваной летней шляпке. А вы представляете, что такое 50 градусов?! Оказалась она Людмилой Хохлиной, дочерью капитана Северного морского флота. Муж дипломат. Она летом собиралась с ним за границу, а ее на аэродроме и взяли.

Лелька развязал свой сидор и протянул Снегурке теплые чулки и шапку. Только было начала она натягивать чулки, как подскочил офицер конвоя. «Кто .. трам-тарарам!.. дал тебе барахло?» И такой изощренной матерщиной принялся ругать Людмилу, что та опустилась на мешок и застыла... Не от мороза от мата!

Грозил суровый карцер. А Русланова спасла. С невозмутимым видом и даже с какой то материнской укоризной сказала. «Людочка, встань! Какая ты, детка, невоспитанная! К тебе же обращается офицер!» И так посмотрела на него, что тот шагнул назад, завертелся на месте, словно ужаленный, и нет его. Исчез, аки дым!

Началось составление формуляров. По специальности распределяли по лагерям, но в основном на лесоповал. Лидия Андреевна шепотом спрашивает Люсю

– Ну, что ты скажешь? Кем работала?

Естественно, как есть – переводчицей в посольстве Великобритании.

Дурочка, не смей так говорить. Ты актриса!

А «актриса» всего год до войны проучилась в Архангельском театральном училище. Тут к Руслановой обратились.

Людмила среди артистов лагерной самодеятельности

За вами не сегодня-завтра приедет бричка, поедете в центральную агитбригаду Тайшета.

И она затараторила

– А это прекрасная чтица, чудесная актриса Хохлина.

Так благодаря Руслановой Людмила очутилась в пересыльной агитбригаде. Но через несколько месяцев агитбригаду разогнали: Лидия Андреевна выкинула очередной фортель отказалась петь перед тюремным начальством.

Освободилась Хохлина в 1955-м, жила потихоньку на окраине Архангельска. Когда в 1959-м году на гастроли приехала Русланова, Людмила купила цветы и пришла в гостиницу.

Людмила в гардеробе. Надпись на обороте: «Моей дорогой ... 18.01.1955. Сибирь»

– Люся, девочка! – Лидия Андреевна всплеснула руками. Проговорили до утра.

Русланова посоветовала Людмиле разыскать Питера: «Может, он тебя, дурочка, по-прежнему любит». И Людмила отправила в Англию открытку с новым, 1960-м годом. Ответ не заставил себя ждать. Питер писал: «Как жаль, что ты отозвалась так поздно. Я долго ждал от тебя известий, но недавно женился. Жена Наташа – русская по происхождению, парижанка, на 11 лет моложе меня. Я не могу ее оставить».

Переписки в те годы не получилось: было опасно. Но под старость, когда одинокая Людмила Михайловна оказалась в Санкт-Петербургском доме ветеранов сцены (там проживает 140 деятелей отечественного искусства), ей стали приходить посылки из Кембриджа от Питера. Инициатива на этот раз исходила от Питера.

Длинные письма в Петербург он писал на русском языке (изучал его в Кембридже, а затем и сам преподавал в университете).

Поехать погостить к чете Сквайр в Англию Людмила Михайловна отказалась и даже теперешних фотографий не посылала: «Пусть помнит меня красивой и юной. И его видеть стариком не хочу тоже».

Но в один момент Питер перестал отвечать на ее послания. Людмила Михайловна просила меня разузнать, в чем дело, но и на мои запросы в университет и письма по его домашнему адресу никто не откликнулся. Я же смею предполагать лишь один вариант, и он самый печальный из всех известных.

Сама же Людмила Михайловна сейчас сильно ослабела: у нее целый букет болезней, доставшихся в на

следство после ГУЛАГа. Но, несмотря на все огорчения и преклонный возраст, она остается оптимистом и не ругает горькую судьбу

Из пятнадцати советских жен лишь одна – Клара Холл воссоединилась с мужем Альфредом. Когда им всем «порекомендовали» выметаться из английского посольства, она единственная не покинула стен здания и еще 18 месяцев просидела там, как в тюрьме, пока не получила визу на выезд

Остальным жертвам военной любви не хватило для счастья настойчивости, терпения и веры

«РАЗВЕДЧИЦА» ТОНЯ

Продолжая поиски жительниц Архангельска и Северодвинска, пострадавших в 40-е годы за свое знакомство с иностранными моряками, я не могла не выйти на организацию, где документы об этом содержались на хранении, – Управление Федеральной службы безопасности по Архангельской области. Здесь содержат в целости и порядке архивные уголовные дела, по материалам которых шли в лагеря мои героини. И в соответствии с новейшим российским законодательством (по решению коллегии Государственной архивной службы) эти дела сейчас доступны исследованию.

Правда, одного личного желания или, скажем, ходатайства редакции мало. Требуется согласие лиц, в отношении которых возбуждались уголовные дела, а в случае их смерти – согласие ближайших родственников. Больно тревожить старые раны, но в интересах истины пришлось обратиться за разрешением. Раскрыв пожелтевший том, сразу поняла: здесь меня ждет судьба несколько иная, чем те, о которых пришлось рассказывать ранее. Так открылся поток, противоположный по знаку любви.

...На танцах в архангельском интерклубе Джон был изысканно вежлив. Как галантный кавалер, после ве-

чера он проводил Антонину до крылечка деревянного покосившегося дома, где она снимала комнатенку. И девушка пригласила англичанина на чай. Угощение на столе появилось скудное, и находчивый Джон достал из кармана припасенную шоколадку.

Почаевничав, молодые люди уселись на широкую оттоманку: Джон хотел изучать русский язык, и Тоня старательно выписывала на вощеном листе английской бумаги буквы русского алфавита. «О, тридцать три? А у нас двадцать шесть. Напиши еще свое полное имя». Ничего не подозревавшая Тоня послушно выводила ровным каллиграфическим почерком: Антонина Ивановна Трофимова. Если б только ей знать, что в тот момент она фактически подписала себе приговор!

Союзнической помощью отнюдь не исчерпывались сложные отношения двух держав. Продолжалось тайное противоборство, целью которого было стремление контролировать действия друг друга. Под видом всевозможных военных и экономических представительств в Северной России скрывались целые подразделения английских спецслужб.

Британская разведка «Интеллидженс сервис» рассылала своим резидентам указания с перечислением методов «проникновения» (имитация любовных отношений, изучение языка, обещание английского гражданства после войны).

Чекисты тоже не дремали. Судя по фактам из ориентировки НКВД СССР от 30 октября 1945 года, а также по статью кандидата юридических наук В. П. Ямпольского «Дипломатия ненависти, или Как английские спецслужбы «крепили боевое сотрудничество». Военно-исторический журнал. 1995. № 2), «за годы войны УНКГБ

«по Архангельской области установило 31 английского разведчика, занимавшегося активной шпионской деятельностью, выявлено 90 связей иностранцев среди советских граждан. На этих связей в результате их изучения взято в агентурную разработку 182».

Оказалась «под колпаком» и Антонина Трофимова.

Безоблачное Тонино детство прошло в Мурманске, где ее отец был капитаном загранплавания. В 1940-м его арестовали и приговорили к восьми годам лагерей за «шпионскую деятельность» — стандартная формулировка. А тут грянула война. Мама завербовалась и отправила шестнадцатилетнюю Тоню к родственникам в Архангельск, где девушка окончила годичные курсы бухгалтеров при торговом техникуме. Чтоб иметь больше свободы, Толя решила снять частный угол. К тому времени она уже работала продавцом кондитерского отдела магазина № 1.

Квартирная хозяйка Полина особо не пеклась о нравственности взбалмошной девчонки, ей и в голову не приходило запрещать Тоне курить сигареты, которые водились в доме в большом достатке (приносили друзья иностранцы). Полина имела ребеночка от англичанина и чхала на общественное мнение. Не работая, выкручивалась продажей излишков из продуктовых посылок, которые ежемесячно получала из штаба Британской миссии. Антонина помогала ей торговать ленд-лизовской тушенкой и мылом на «черном рынке», за что получала вожделенный пропуск в интерклуб.

Первый раз попав в сверкающий огнями танцевальный зал, обычно невозмутимая, Тоня слегка стушевалась. Справиться с замешательством ей помог офицер-англичанин, как бы случайно взявший новенькую под свою опеку.

Генри превосходно говорил по-русски и даже понимал тонкий архангельский юмор: «На Севере доска, тоска да треска».

Уморившаяся Тоня к концу вечера без задней мысли сболтнула, что голова кружится не от танцев и ноги подкашиваются не от восьмисантиметровых каблучков – просто она сдала сегодня кровь для Красной Армии и донорские карточки не отоварила нечем. И вообще, в городе голодно.

Генри сочувственно кивал головой, а на прощание вручил оторопевшей Тоне сверток с хлебом и консервами. С этих пор Генри частенько забегал с продуктами к Антонине, а однажды подарил пушистый шарф и перчатки. О лучшем кавалере Тоня и мечтать не могла, но ловелас Генри вскоре переключился на очередную новенькую. Хорошо хоть на прощание познакомил с Джоном, страстно желавшим изучить русский язык так же, как Генри.

Джон приглашал Тоню на различные вечеринки и в общежитие Британской миссии по уже известному нам архангельскому адресу: ул. Карла Маркса, дом 1. Однажды в разгар танцев Джон затащил девушку к себе наверх в комнату якобы попить чаю – и резко запер дверь ключом на два оборота. Как ни в чем не бывало, сунул в руки растерявшейся советской гражданке бумагу (а это было обязательство работать на англи-

скую миссию), под текстом которой стояла .. Тонина фамилия. Антонина опешила, потом закричала

Это неправда! Я не давала никаких обещаний и никаких бумаг не подписывала! Я пойду в милицию!

Но минуту назад такой обходительный, Джон ее хладнокровно отрезвил

Мы сами сообщим куда следует. Дойти до милиции не успеешь, как тебя арестуют. Лучше помалкивай, ведь подпись не поддельная разве не помнишь, как подписала эту бумагу?

Антонина горько заплакала, жалобно просила уничтожить листок. Джон был непреклонен. Более того, он сообщил, что одиннадцать ее подружек уже подписали обязательство работать в пользу Англии

– И ведут они себя будто ничего не случилось. Бери пример с них, помалкивай

Однако Тоня с этого дня помрачнела. Валики широкой оттоманки отсырели от пролитых по ночам слез. Ранее не умевшая хранить секреты, Тоня на этот раз прикусила язычок и смиренно ждала ареста. Но проходили недели, а арестовывать ее никто не приходил. Полине свою хандру Антонина объяснила разрывом с Джоном. И опять отправилась в интерклуб. За очередным кавалером

В клубном буфете начальник снабжения миссии Дэвид Фрэнк, которого Антонина знала с 1941 года, пригласил ее за столик, угостил пивом

– Где твои родители? – заботливо спросил мистер

Тоня ответила, что отец в Мурманске, ходит на морских судах

– Неправда. Твой отец арестован НКВД

Тоне пришлось признаться, что отец сидит в одном из лагерей Коми АССР. За что попал в заключение? Ответа на этот вопрос девушка действительно не знала. На прощание англичанин снабдил Тоню шоколадом сигаретами и даже деньгами – отвалил целую тысячу рублей. В дальнейшем и другие подарки (шерстяное платье и чулки, одеяло и жилет) не были лишними для девушки, не знающей родительской поддержки, но привыкшей жить на широкую ногу

Поэтому, когда Фрэнк обратился к Антонине со встречной просьбой, та не рискнула отказать. Просьба же была далеко не безобидной: Фрэнк вытащил вчетверо сложенный лист с английским гербом в верхнем левом углу. Тоня бегло глянула на написанный по-русски текст «Даю настоящую расписку в том, что обещаю работать для интересов английской разведки, выполнять любую порученную работу. Даю обещание не разглашать это и держать в секрете»

Оставалось только поставить подпись. Тоня распахнула испуганные глаза, но Фрэнк предварил вопрос

Не надо бояться! Многие девушки работают на НКВД, но лучшая часть твоих подружек все-таки на Англию

Антонина пролепетала.

– Я не справлюсь

Ничего трудного не будет. А когда Архангельск станет английским, тебя наградят

Заверять и убеждать долго не пришлось, разговоры о том, что Север будет принадлежать Великобритании, шли по городу постоянно. Без слез, истерик и паники Тоня [illegible] а домыть. Вероятно, на этот раз спокойно состоялась и впрямь удалась. Стоял промозглый октябрь 1944 го.

Теперь два раза в неделю Антонина получала продуктовые наборы и приглашения на вечеринки, банкеты, праздники в Британскую миссию, где долгими часами любезно беседовала с Фрэнком.

Как живут в Архангельске?

– Тяжело. Люди умирают от голода.

– Продуктовые карточки не спасают?

– Нормы отпуска ничтожно малы, даже хлеба не хватает.

– А как отзываются об англичанах?

– Только положительно.

– Знаешь ли ты офицеров НКВД?

Антонина, несмотря на обширный круг знакомств, в приятелях чекистов не имела, соответственно и фамилий их не знала. Тогда Фрэнк подробно расспрашивал ее о близких подружках, но ничего вразумительного от бестолковой Антонины он так и не добился. Хватый мистер вскоре и вовсе отцепился от «разведчицы». Тоня [illegible] чем даром тратить [illegible] драгоценное время? Остаток поры, пока в Архангельске существовала Британская миссия, Тоня провела в любви с красивым радистом Арнольдом. На прощание симпатяга Арни подарил ей золотой перстенек. Тоня не расставалась с ним до смерти.

После отбытия военной миссии из Архангельска Антонине пришлось заново учиться экономить более

чем скромный продуктовый паек, но привычка шиковать не отступала. Тогда Тоня подбила подружку и коллегу по кондитерскому прилавку Дусю подделывать товарные чеки. На полученные «излишки» покупали предметы роскоши, к коим в послевоенное время относились виноград, печенье, конфеты. Находчивые девицы сумели совершить растрату в три тысячи рублей, за что и угодили 6 мая 1946-го за решетку по статье 169 УК РСФСР.

Спустя три месяца дверь в камеру распахнулась, и Антонине протянули постановление на арест: «Поддерживала связь с сотрудниками английского военно-морского штаба, содержалась на их полном обеспечении. В октябре 1944 го Трофимова, вступив в преступную связь с английским разведчиком Фрэнком Дэвидом, была завербована им для шпионской деятельности в пользу Англии».

Ее сфотографировали в фас и профиль. Сняли отпечатки пальцев. В квартире Полины произвели обыск, в ходе которого изъяли одиннадцать фотографий Тониных кавалеров. Позже, «как не имеющие значения для дела и обвинений», они были «уничтожены путем сожжения». Трофимовой грозила теперь 58 я статья Уголовного кодекса – за измену Родине.

Начались ночные допросы. Следователь вызывал Антонину в 23 часа и отпускал в камеру лишь под утро, в четыре. Выкручиваться Тоня не собиралась. Подробно обсказала весь процесс своей вербовки. Затем подробно поведала о подругах. Полина нигде не работает, [illegible] ребенка от иностранца, Тося из мединститута [illegible] на лыжных, Сима в соседний городок Молотовск к англичанам танцевать под патефон, Лида в номерах

Интуриста» встречалась с американцами, Маша получала красивые вещи от англичан

В ее показаниях упоминались также Галя, Валя, Надя, Нина, Люся, Тома, Роза... И далее Антонина не скупилась на подробности. Седьмой допрос, оказавшийся для «разведчицы» седьмым кругом ада, начался 16 августа в 22 часа, а завершился лишь к 15 часам следующего дня. Антонина сокрушила следователя припасенным напоследок аргументом

Мне известно, что некоторые девушки так же, как и я, являются агентами английской разведки

И она назвала восемь фамилий

- Откуда вам это известно?

В доказательство, что со мной ничего не случится, Фрэнк сообщил, что все они уже штатные агенты. И ничего, ходят на свободе

Вы не оговариваете этих лиц?

Я говорю вам правду. Но не знаю, правду ли мне сказал Фрэнк

На судебном заседании, состоявшемся 30 октября 1946 года, Тоня молча выслушала обвинительное заключение, а в последнем слове сказала

- Виновной себя в том, что дала добровольное согласие на шпионскую работу с письменным обязательством, признаю, я согласилась быть агентом, потому что находилась среди таких подруг, которые втянули меня

И добавила сквозь слезы

- Прошу наказать меня по всей строгости закона

Тоню приговорили к десяти годам лишения свободы с последующим поражением в правах на пять лет. Ни сразу после суда, ни позднее апелляцию Антонина не подавала. Отсидела весь срок в Норильске-лаге

В 1955 году Архангельская областная комиссия по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления и содержащихся в лагерях, на деле Трофимовой наложила резолюцию: «Приговор оставить без изменения. Оснований для отмены нет. Определенная ей судом мера наказания соответствует тяжести содеянного»

И только в марте 1992-го в архивном деле появилась приписка: «На Трофимову А. П. распространяется действие закона «О реабилитации жертв политических репрессий», так как доказательств измены Родине в деле не имеется». В Архангельск Антонина больше никогда не возвращалась. Может быть, потому, что за ней тянулся шлейф других исковерканных судеб? Осудивший ее трибунал выделил в отдельное производство для проведения дополнительных оперативно-следственных мероприятий о принадлежности к английским разведорганам дела восьми девушек, чьи фамилии

она назвала. Все восемь подружек пошли в лагеря следом за Антониной Трофимовой как ниточки за иголочкой. Очень больно уколола их эта безжалостная игла.

Бедная «разведчица» Тоня! С одной стороны, ее сломала обыкновенная английская разведка, завербовав в свои агенты мало что понимавшую в этом девушку. Они уходили из ее жизни, что называется, по-английски, не попрощавшись, видимо, понимая, что пользу она им принести не может. Хотя, наверное, агент по фамилии Трофимова фигурировал в их секретных списках и за ее разработку кое-кто из чекистов получал новые звания и награды.

Они ушли, бросив Антонину в железные объятия сталинского НКВД. Советская юстиция не утруждала себя поиском доказательств вины дам гораздо серьезных деятелей, чем девчонка-продавщица. И, возможно, следователи по делу Трофимовой прокручивали дырочки для новых наград. А она, невинная по сути, пошла в норильские лагеря. За девичью глупость, за то, что по бедности позарилась на наряды и угощения.

Я переворачиваю последнюю страницу дела. Жестокая судьба, далекая от романтики история. Любовь по ленд-лизу многогранна, как сама жизнь.

ЗЕМЛЯ ПРЕДКОВ — ГОРОД ГЛАЗГО

«Поморский мемориал», стр. 302

«Панфилова Капитолина Федоровна, 1925, уроженка г. Архангельска, аппаратчик ликероводочного завода, на иждивении имела ребенка. Особым совещанием МГБ СССР 17.10.52 по ст. 7-35, 182, ч. 1 УК РСФСР за «незаконное хранение оружия и как социально опасный элемент» незаконно сослана в Красноярский край сроком на 10 лет. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Полностью реабилитирована 19.07.60.

Открывшая на мой настойчивый звонок дверь Капитолина Федоровна удивленно вскинула глаза

– Как вы меня разыскали?

Объясняю, что по просьбе англичанина Билла Лоуза ищу Зину Кузнецову. Нет, такой она не знала. Разочарованно, по-северному певуче, тянет

А я-то думала, может, весточка от Томаса из Глазго какая. Хочется узнать, жив ли? Как сложилась судьба? Да и не чужие мы ему вовсе, сын-то уже взрослый, сам отец семейства.

Макадам из Глазго. Шанс найти его следы есть. Панфилова знает его год рождения, помнит должность – служил радистом. Правда, в Англии фамилия Макадам –

Тамара Капитолина [illegible]

как у нас Иванов. Но Капитолина Федоровна надеется а вдруг?!

Томас Макадам на родину отбывал последним английским пароходом из Архангельска в октябре 1945-го. Война, казалось, давно уже закончилась, но свертывать дела и демонтировать оборудование в здании Британской миссии в числе других специалистов пришлось и радисту Томасу.

Он особо не торопился домой: с любимой русской девушкой Линой мечтал о свадьбе, о сыночке, для которого имя заготовили – Стив. Расставание далось трудно, ос

Томас Макаллэ

гала тась о на надежда на письма Но почту на верняка перехватывали, так как Лина не получала ответов вообще и очень переживала, подозревая, что за ней следят

Когда Стив Степан родился, Лина успокоилась теперь не арестуют Но «черный воронок» все таки подкатил к дому, аж в 1951-м И повод для ареста нашелся знакомый летчик, уезжая в командировку, буквально силой, оставил Капитолине на хранение свои пистолет храни, мол, вот в этом ящике как зеницу ока Когда пришли с обыском, почему-то сразу направились к этому столу и открыли именно этот ящик Знакомая ситуация, сейчас неоднократно описанная в разных книгах Тот летчик был подсадной уткой

Вместе с пистолетом забрали отцовы пластинки и монеты, привезенные из за рубежа для коллекции, да так и не вернули Слава Богу, хоть отца не тронули, он в войну в конвоях ходил в дальние рейсы. Кстати, после его смерти был назван его именем один из рудовозов, а имя занесено в Морской энциклопедический словарь

Капитолину осудили по 182-й статье Уголовного кодекса и, как социально опасный элемент, отправили по

Степан с бабушкой и знаменитым дедом капитаном Федором Панфиловым

гапу в Сибирь За Енисейском везли в кузове грузовика по морозу в 50 градусов километров триста. После путешествия» застудила все косточки. И сейчас стонут невыносимо

В лагерях Красноярского края и ссылке Лина провела шесть лет, пока не реабилитировали. Вернулась домой - рот на замок. Степан не должен узнать, что он - Стив Сын рос, не зная, что его отец англичанин, и даже то, что его мать сидела. Она решила, что расскажет сыну правду только тогда, когда получит от Томаса весточку

Но это не главная тайна в ее жизни, вдруг признается она мне. И наш разговор принимает совершенно неожиданный поворот

Подозрительно оглянувшись на пушистый во всю стену ковер, будто он подслушать может (Капитоли

Капитолина с сыном Степочкой после возвращения из ГУЛАГа. 1954

на Федоровна живет одна, замужем так и не бывала), и странно сгорбившись, полушепотом она начинает ис ьедь

Самое страшное, что в годы войны многие девчон ки были агентами НКВД. Чекисты знали наперечет нас всех, кто, не скрываясь, с иностранцами встречался Вызвали в органы Идем дрожим, вдруг посадят. А они сотрудничество» предлагали Ну что мы, девчонки со пливые, могли им донести?! Они хотели сделать из нас шпионок, но в 20 лет что у нас на уме было, кроме люб ви? Рассказывали все как было: что ели пили на вече ринках в английской миссии, какую музыку слушали Надеялись, что за эту «добрую службу» не арестуют Но, видимо, такие «доносы» их не устроили. Меня от правили в Сибирь «исправляться

С отцом Капитолина Алиш и Сталиной Самой молодой стоит … Маленьк приложились к сталинской пасе уже не знает какого …

Стенографистка

Девчонки-шпионки Ну что они могли донести? Рассказать, какие элегантные у них кавалеры, умеющие красиво ухаживать? Из чувства самосохранения они соглашались «подшпионить» Многие из них, дабы не привлекать к себе внимания, избегали визитов в клуб, предполагая, чем могут закончиться эти вечеринки Но иногда на работе или в институте, в комитете комсомола им давали обязательное к исполнению задание – сходить на вечер танцев в Интерклуб, где барышень не хватало. Комсомольское поручение некоторые девушки выполняли через силу

Тяжелая ноша, которую Лина носила в душе полвека словно упала с хрупких плеч.

И до этого признания мне доводилось слышать, что все девушки, так или иначе связанные с иностранцами в годы войны, состояли на службе в НКВД. И было бы странно, если бы в поиске мне не встретилась ни одна из них. Умолчание. Искажение. Изъять. Вычеркнуть. Все призывают вернуть истории ее подлинный облик, ликвидировать белые пятна. Но как ликвидировать белые пятна с «раха»? Чтобы иметь историю без купюр, границы осуждения нужно сузить. Я выслушала истории многих, призналась мне одна, для этого надо иметь определенную смелость. И это признание достойно похвалы, награды

Последовавшие за этой встречей события только подтвердили, что прошлое – часть непрерывного потока жизни. Неразрывные нити тянутся от той поры во все, что-либо предать забвению из этого потока нельзя

Как-то в воскресный день раздается звонок в дверь

– Кто там? - спрашиваю

– Степан Панфилов, – слышу в ответ. – Вчера мама мне все рассказала.

Оказывается, Капитолине Федоровне пришло извещение на бесплатную установку телефона. А наведавшийся к ней в тот момент сын пристал с расспросами а почему бесплатно, а почему вне очереди, что значит реабилитированной? Матери пришлось признаться во всем Возбужденный новостями (ну ка, в 52 года узнать, что отец – англичанин!), Степан тут же примчался ко мне: что делать?

Трудно что-либо посоветовать, кроме как набраться терпения и ждать. Я показываю Степану письмо, разосланное во всевозможные инстанции Великобритании. «Прошу вас помочь установить адрес Томаса Макадама, 1921 года рождения, родом из Глазго. Он служил в Британской миссии в Архангельске радистом с 1944 по октябрь 1945 года Капитолина Панфилова родила от него сына. Шесть лет она провела в ГУЛАГе и в ссылке. К. Ф. Панфилова никаких претензий к господину Макадаму не имеет, а желание разыскать отца ее сына Степана продиктовано только человеческими мотивами Информацию можно передать по адресу »

Английские архивисты работают аккуратно, поэтому ни один из запросов не остался без ответа. Национальный морской музей снабдил еще двумя возможными

Thank you for your letter

am afraid we have no information relating to Royal Naval matters here

May I suggest you write to the Admiralty at Admiralty, Main Building, Whitehall, London SW1A 2BG who may be able to advise on how to trace Thomas McAdam

Yours faithfully

Royal Naval Association

6 May

Dear Mr Robertson

Thank you very much for your letter dated 23rd April

Initial enquiries concerning Thomas McAdam indicate that he may no longer

There are two things that can be done to ensure further

The second thing is that I can advertise in my Association's monthly newsletter for him to contact yourself. This reaches about 18 000 former sailors. Once again there is no guarantee that he will be reached or will

At least Napoleon Fecondine will feel that everything possible has been tried to

Yours sincerely

Bob McQueen

Armed Forces Personnel Administration Agency

Defender Function (Pay & Pensions)
AFPAA (Centurion)
Centurion Building Grange Road GOSPORT Hants PO13 9XA

Direct Dialling: 0 705 702818
Fax: 0 705 704956

Russia
164315 Severodvinsk
Archangelsk Region
ul Lomonosova d89 Kv76
Olga v Golubtsova

Your Reference:

Our Reference:

Date:
21 May 1999

Dear Ms Golubtsova

Thank you for your letter dated 23 April 1999 concerning Kapitolina Feodora na Panfilova and her wish to trace the father of her son, Stepon. As a member of staff of the Chief Executive of the Armed Forces Personnel Administration Agency I am replying as this subject falls within my area of responsibility.

I should first explain that, without more information about Thomas McAdam such as a service number it is not possible to positively identify the serviceman concerned. However, a search of Service records has revealed that a man with this name served in the Royal Navy from April 1943 to August 1946 and was stationed in Russia between August 1944 and May 1945. It seems likely that this is the serviceman that Kapitolina Feodora na Panfilova met in Russia in 1945.

Mr McAdam left the Royal Navy in August 1946 and unfortunately, no discharge address is held in his Service Records. It is therefore not possible to trace him particularly as it is now more than 50 years since he was discharged.

It may be possible for you to find Mr McAdam through other organisations, such as the Royal British Legion web site www.britishlegion.org.uk who have various services available and will post an advertisement for information in their magazine. The address to write to is:

Lost Trails
British Legion Magazine
Centurion International Media
7 Brixton Street
London
EC1M 5AQ

I am sorry that I cannot be more helpful.

Yours sincerely

Mrs J M PENN (HEO)
DF P&P12

Armed Forces Personnel Administration Agency

Naval Pay & Pensions (Accounts)
AFPAA (Centurion)
Centurion Building Grange Road GOSPORT Hants PO13 9XA
Direct Dialling: 01705 702349 or 702224
Fax: 01705 704721

Olga Golubtsova
ul. Lomonosova d 89 kv 76
Severodvinsk
Archangelsk Region
164315
Russia

Your Reference:
Our Reference:
AFPAA/NPP 1E
Date: 22 [illegible] 99

Dear Olga

Thank you for the letter you recently sent to this office.

I regret that we are currently experiencing some delays in replying to enquiries. However, if you require an answer by a particular date please advise us of this fact and we will endeavour to respond by that date.

Should your enquiry be in connection with someone who served in the Royal Navy during or just after World War II, you are advised that this type of enquiry can take a long time to research. Therefore we would ask you to be patient, as it can take up to 3 months to provide a reply.

Please be assured that your enquiry will be answered as soon as we are able.

Yours sincerely

NPP(Acs)1E

TYP20
(Mar 99)

адресами для поиска. Королевская военная ассоциация любезно сообщила, что «человек с таким именем служил с апреля 1942 года и был в России с августа 1944 го После увольнения со службы других сведений о нем не поступало

Поиск длился восемь лет. Странно, но то ли интуиция, то ли Нечто Большее подсказывало мне, что отступаться не надо. После того, как я поняла, что дальнейшие запросы в разного рода учреждения бесполезны, то стала использовать каждую возможность, чтобы эта история звучала по телевидению, в газетах и на радио Англии. И однажды случилось то, чего мы ждали!

Графство Чешир. Молодая женщина неторопливо варила кофе и увлеченно слушала утреннюю радиопередачу. Любопытное интервью из России! И фамилия прозвучала знакомая! В интервью Капитолина и Степан говорили, что не имеют никаких материальных претензий, ими движет стремление узнать о судьбе Томаса. На работе миссис спросила у приятеля, не было ли в его роду Томаса Макадама, который участвовал в военных операциях по ленд-лизу?

Да это же брат моего отца Джорджа! Он умер в 1980 году, — ответил изумленный Грем. Он тут же отправил в офис радиостанции письмо с фотографией: тот ли на снимке Макадам, которого разыскивает русская женщина Капитолина?

Дальше события развивались стремительно. Звонок Панфиловым с радио: кажется, нашелся племянник Макадама. Через десять дней Капитолина Федоровна получила отправленную Гремом фотографию Томаса. Это он! На всю жизнь она запомнила его яркие глаза, добрый взгляд, сердечную улыбку. Его уже нет в живых

Капитолина Федоровна Панфилова, Степан, Грем Макадам и Ольга Панфилова — вскоре после долгих поисков в Аргентине, к 1993 году

Как описать чувства, когда еле тлевший огонек в глубине души превращался в пепел?! Наша героиня мужественно встретила известие из Британии. Самое главное все же – Грем признал родню (цитирую его: «По мужской линии Макадамов осталось трое: я, мой сын и ты, Степан!») и приглашал их приехать в гости. Панфиловы послали ему свои фотографии, и Грем увидел поразительное сходство между дядей Томасом и Степаном.

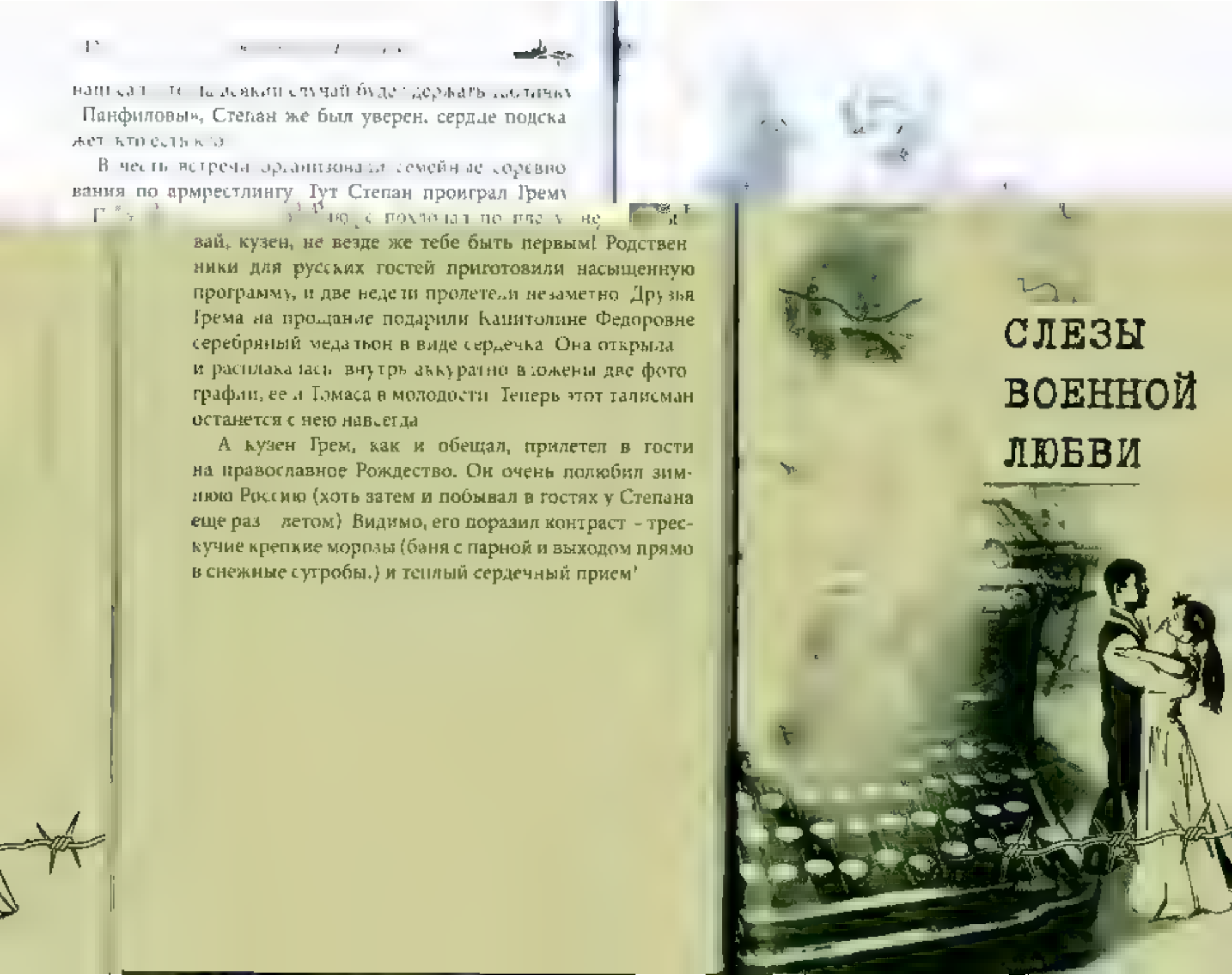
Панфиловы пустились в нелегкий путь, в Манчестер, где живет Грем. Собрали немалую для них (мать – пенсионерка, у Степана – трое детей) сумму, продали старенькую машину. Оформление паспортов, документов, виз — все позади. Встретит ли кузен в лондонском аэропорту, узнает ли среди других пассажиров? Грем

нашкал[illegible] на всякий случай буде[illegible]держать кольчуг
Панфиловы, Степан же был уверен, сердце подска
жет, кто есть кто.

В честь встречи организовали семейное соревно
вания по армрестлингу. Тут Степан проиграл Грему
Г[illegible]

[illegible]но с похвалил по плечу не
вай, кузен, не везде же тебе быть первым! Родствен
ники для русских гостей приготовили насыщенную
программу, и две недели пролетели незаметно. Друзья
Грема на прощание подарили Капитолине Федоровне
серебряный медальон в виде сердечка. Она открыла
и расплакалась: внутрь аккуратно вложены две фото
графии, ее и Томаса в молодости. Теперь этот талисман
останется с нею навсегда.

А кузен Грем, как и обещал, прилетел в гости
на православное Рождество. Он очень полюбил зим-
нюю Россию (хоть затем и побывал в гостях у Степана
еще раз — летом). Видимо, его поразил контраст – тре-
скучие крепкие морозы (баня с парной и выходом прямо
в снежные сугробы.) и теплый сердечный прием'



СЛЕЗЫ ВОЕННОЙ ЛЮБВИ

«Поморский мемориал», стр. 173

Бредихина Зоя Петровна, 1920, уроженка и жительница г. Архангельска, актриса Дома Северного ВМФ. Арестована 20.02.45 Особым совещанием НКВД СССР по Архангельской области 26.12.45 по ст. 58-1 «а» УК РСФСР незаконно лишена свободы сроком на 8 лет. Сведений о дальнейшей судьбе нет. Полностью реабилитирована 19.07.56.»

В поле зрения НКВД попадали не только студентки и девчушки из художественной самодеятельности Профессиональные артистки — вот к кому было приковано особое внимание чекистов. Пока русские мужики давили на фронтах «фашистскую гадину», именно они блистали на званых джазовых вечерах и под капиталистическую музыку Гленна Миллера «В настроении» танцевали с союзниками щека к щеке

В 1941 году Зоя окончила театральное училище Ее приняли в труппу оперетты мастера Вульфсона в архангельского Большого театра, потом она становится артисткой ансамбля песни и пляски базы Военно-морского флота. И везде прима. Везде – овации. Везде – зрительские симпатии и любовь. Так, как она, романс «В дороге» на стихи Тургенева никто не исполнял! Зою знал и обожал весь город.

Зоя Бредихина

Неудивительно, что ее заметили и выделили ан... Вначале Брайн влюбился в нее как мальчишка. В одном из писем, присланных на ее адрес, на десяти страницах он написал «I love you». Это письмо стало роковым...

Когда следователь требовал расшифровать шифровку «I love you» (десять страниц с одной фразой о любви. Такого не может быть!), Зоя смеялась: «Да тут просто написано «я тебя люблю». Ей не верили, пытали и вызывали «раскалывать» на ночные допросы. А Зоя ждала... не дождется только суда.

В Ветлаге Кировской области организм истощался до крайности, как вдруг лагерное начальство организовало театр. Пять лет Зоя играла на лагерной сцене. Потом – ссылка в Инту. Когда ее реабилитировали, Бредихина вернулась в Северодвинск и вновь стала примой. Она пела, играла на гитаре, танцевала. В спектакле «Семья Поповых» она выходила с романсом

Утро туманное, утро седое
Нивы печальные снегом покрыты
Нехотя вспомнишь и время былое

Вспомнишь и лица, давно позабытые
Вспомнишь обильные, страстные речи
Взгляды, так жадно, так робко ловимые
Первые встречи, последние встречи
Тихого голоса звуки любимые
Вспомнишь разлуку с улыбкою странной
Многое вспомнишь родное, далекое
Слушая ропот колес непрестанный
Глядя задумчиво в небо широкое

Срывалась и звенела гитарная струна. Она не играла, она жила на сцене, она пела про себя

Из-за «шифровки» на десяти страницах Зоя Бредихина называла Брайна ласково – Дафти. Видимо, производно от английского daft (ненормальный, сумасшедший). Она любила его, но твердо решила отрезать из своей судьбы все лишнее: все страсти погашены

Остаток жизни Зоя Петровна Бредихина провела в Доме ветеранов сцены в Санкт-Петербурге. Она жестко расставила точки над i, за эмоции бурной молодости расплатившись сполна в лагерях и ссылках

Девушки, дружившие с иностранными моряками, в основном были образованными и жили в достатке. Их отцы – капитаны дальнего плавания, от них девчонки еще до войны слышали рассказы, пусть полушепотом на кухне, о зарубежном благополучии. Эти девочки не ради шелковых чулок и куска мыла (излюбленные англичанами подарки) встречались с кавалерами

Они изучали английский язык, могли общаться без переводчиков (согласитесь, для 40-х годов – это большая редкость!). Образованные умницы даже меж собою порой говорили свободно по-английски, чтобы окружающие не поняли, что именно они обсуждают. Об этом

Сослуживцы в Архангельске. 1943

я прочитала в архивном деле НКВД осужденной за дружбу и любовь Елены Ивановны Ивановой. Согласитесь, такая ситуация напоминает о добрых, дореволюционных временах, когда в дворянской среде было принято общаться по-французски

Так что уровень у этих девочек был на порядок выше деревянных архангельских мостовых!

В основе отношений конкретного мужчины и конкретной женщины может лежать настоящая любовь, корысть и желание уйти от одиночества. Не станем ханжески утверждать, что «в нашей стране секса нет». Был и будет! В портовых городах (а таковыми как раз являются Мурманск и Архангельск) и до войны слонялось много иностранцев, по старой морской традиции ищущих плотских утех

Но, если за рубежом проституция была официально узаконена, «кварталы красных фонарей» появились

В минуты отдыха англичане в Архангельске...

девчонки на «отдыхе»

в портовых городах со времен древних финикийцев и благополучно дожили до наших дней во всем мире го в стране Советов, наоборот, действовали строгие за треты

Не сомневаюсь, что и в войну (как и до, и после) ы ли (есть и будут) дамочки, желающие найти только выгоду и роскошно погулять за чужой счет. Некоторых женщин, потерявших мужей на фронте, на знакомства с обеспеченными иностранцами толкали жизненные обстоятельства. «интимные встречи» давали дополни ельный (а порой и единственный) шанс прокормить емью и детей. Нередко завязавшиеся подобным обра ом взаимоотношения перерастали в глубокие искрен ние чувства. И я хотела бы подчеркнуть: что здесь мы рассматриваем только одну сторону медали. Мы гово рим исключительно о любви.

Когда девчонки уходили в ГУЛАГ, они не роптали не причитали: «За что нам такое?» Они сполна испи

ти чашу страданий, молча и зная, «за что» Вернувшись из тюрем, они опять молчали, ведь «про это» нельзя было рассказывать. На свободе, уже реабилитированные, они чувствовали себя переведенными из малой зоны в большую, потому что «за это» ненавидели и презирали

Только в начале 90-х они смогли заговорить про то, как «это» было. Из осколков их судеб я лепила мозаику любви по ленд-лизу. Мне и сейчас часто звонят очевидцы тех событий. Нина Петровна так и не назвала своей фамилии

Моя подруга Таня дружила с майором Риссом Порхала как бабочка, всегда считалась украшением общества, во всей Соломбале такой неотразимой и обаятельной было не сыскать! Родила сына, отсиде-

[illegible] [illegible] Архангельск. 1944

Вид на ул. К. Маркса с реки Северной Двины. Архангельск. 1966-е

а срок. А потом – горький финал спилась. Ну а сын английского майора всю жизнь скитался по тюрьмам простым уголовником. Отец, видать, и не вспомнил о нем

А вот у Шуры (еще один звонок) все сложилось иначе с Вильямом они поженились! И была единственная супружеская ночь медового месяца в 1944 м – моряк уходил караваном судов обратно в Англию. Там, на берегах туманного Альбиона, он мечтал о новой встрече с любимой, ждал ее и хлопотал перед Министерством иностранных дел об освобождении Шурочки из сибирских лагерей

Разлука растянулась на 50 лет. Только в 1993 году возлюбленные вновь нашли друг друга и смогли обняться. Но хеппи-энд не получился: у Вильяма от счастья не выдержало сердце он умер (Счастливая звез

да зажглась и погасла, оставив Шуре осколки ярких воспоминаний и слезы.

Про другую Шуру-Александру мне рассказали в местном краеведческом музее. Ее в годы войны любил американец Джорж, уговаривал выйти замуж, но в молотовском ЗАГСе заявление не приняли. Тогда Джорж пообещал Александре вернуться за ней после войны. Девушка тянула на себе двух братьев, детские пайки были мизерными, и продуктовых карточек им не хватало. Выживали благодаря американцу с его гостинцами. А из заводской столовой Александра несла братишкам кашу в рукавице. Ленд-лизовская тушенка аукнулась в 1949-м: Шуру осудили за шпионаж. После КОМИлага – опущение почек и желудка, инвалидность и желание забыть про сказочного заокеанского принца.

А вот Мария Сокол, наоборот, вспоминает своего Денниса как самый светлый миг в жизни. Да, в конце концов, были слезы и горе, осталась незаживающая рана, «и все равно, – пишет она, – мы были счастливы». Английский корабль «Fort Henora» так и не вернулся в Архангельск, но Деннис часто писал подруге.

Она же, раздавленная страхом, боялась отвечать, уничтожала почту в пламени печурки и молила Бога, чтобы дал силы жить в разлуке с любимым.

Сейчас она живет в Подмосковье. Когда Мария прочитала первое издание моей книги «Военная любовь по-английски», она откликнулась: «Снова и снова перечитываю главы. Как будто и не было этих долгих трудных лет, вспоминаю, волнуюсь и плачу. Мы с Деннисом встречались в клубе, гуляли по набережной в Архангельске. Хотелось быть только с ним, чувствовать руку в своей руке и слушать слова на языке, который изучала в институте.

Мария Сокол

Он отлично танцевал, музыка и ритм уносили нас куда-то в бесконечность... Деннис просил меня ждать его после войны, а я знала, что будущего у нас не будет. Очень часто в мыслях я обращалась к нему: «Бог вместе со мной помолись». Институт я все-таки окончила, работала в школе. Выросли дети, растут правнучки, и даже есть маленькая праправнучка. Но живу одной мечтой – получить весточку от Денниса». Сбудется ли? Я пыталась помочь Марии Сокол разыскать Денниса. По моей просьбе фотографию Марии (точно такую же, как она подарила когда-то Деннису, и он

бережно положил ее в бумажник рядом с фотоснимком матери) публиковали в английском журнале ветеранов Полярных конвоев, но все попытки оказались безуспешными.

Еще один «осколок». Гордон был для студентки Люды как старший брат: платонические отношения и просто искренняя дружба. Затянуть в постель не пытался и вел себя доброжелательно. Целовались в темном кинозале, бродили по деревянным мостовым Архангельска, купались в июле в Северной Двине.

Группа архангельских девушек на борту «Дины» [illegible] Мурманска. Люда — вторая справа. 1951 г. Эти две девушки очень скоро отправятся на прииски, причем с [illegible]

водичка как парное молоко! На пляже дурачились и гонялись наперегонки.

Он восхищался: «О, ты прекрасна, Афродита, что за фигура — уму непостижимо!» Она завидовала, хохотала в ответ: таких слов от дворовых пацанов вовек не слыхала! Сегодня Людмила вспоминает Гордона с собой наедине. «Что тот месяц? Крошечный срок, мудро она рассуждает. – Просто случился бурный и яркий роман, к которому с замиранием в сердце я всегда могу вернуться по волнам и лабиринтам памяти».

Людмила считает, что воскрешение прошлого через пятьдесят с лишним лет даже из добрых намерений может быть не совсем благоприятно. Что ж, каждый имеет право на свой собственный взгляд и мне [illegible].

Печальную историю своего друга Джона Кобба «подарил» мне все тот же Билл Лоуз. Он надеялся, что в ходе своего журналистского расследования я обнаружу хоть какую-нибудь информацию о девушке, которая тоже прошла через ГУЛАГ, и писал мне:

«Ее имя Люба Сапогова (Любовь Николаевна Лисунова, 1924 года рождения). Я ее тоже очень хорошо знал. Мы часто вчетвером (плюс Зиночка) прогуливались по набережной.

Джон и Люба хотели пожениться. Ходили в архангельский ЗАГС (это здание находилось на улице Логинова), и был вместе с ними как свидетель Джона, но заведующая отказала им в регистрации брака. Когда наше начальство узнало, что Кобб задумал жениться на русской, его немедленно отослали в Москву в посольство Великобритании, где потребовали отказаться от таких планов, и добились его отъезда на родину.

В декабре 1943 года Любу арестовали и приговорили к восьми годам. Потом, в 1958-м, она жила в Карелии Суоярвский район, поселок Лахкомбали улица Побе ды, 3, квартира 2.

У нее бы а сестра, а жили Сапоговы на ул. Свободы том 18, сейчас в том месте находится воинский мемори ал. Если Люба жива, то она откликнется».

Увы, после публикаций в нескольких газетах и обращений в архивы Карелии найти Любу – Любовь не уда лось.

ПРОТИВ ПОПУГАЯ С ФОНАРИКОМ

На каком фоне развертывались истории любви, превращавшиеся в драмы? Ведь шла война, караваны судов союзников все прибывали. А там, где иностранные грузы, – всегда открывается таможенный пост. Мне удалось разыскать таможенницу тех грозных лет и неоднократно с нею повстречаться. Юлия Павловна Петрова живет в Архангельске. Она постаралась передать атмосферу буден тех грозных дней.

Юркая, 22 лет от роду, маленького росточка, хрупкая девчушка, она смело подала документы на архангельские таможенные курсы, куда попадали только по спецнабору. Но Юля прошла строгую комиссию. Позже «дюймовочка» излазила все приходившие суда типа «либерти» вдоль и поперек. Говорит, и сейчас ночью разбудят – нарисует точную схему этого корабля от носа до кормы. Особенно запомнились вертикальные лестницы в трюмах. Совать свои нос таможня обязана была во все щели!

От жилья до порта – пять километров. Ходили пешком туда и обратно, даже на обед домой бегали. Наматывали таким образом по 20 км в день! Путь лежал мимо зоны (в Северодвинске в ту пору располагалось несколько учреждений ГУЛАГа). Портовики предупредили девчат: если услышат выстрел, это означает побег, тут же ложиться на землю. И случалось. Приходилось кидаться головой в грязь, овчарки прыгали вдогонку беглецам прямо через насмерть перепуганных, лежащих трупом девчонок.

Как контролер, Юля получала зарплату 600 рублей. Ей был положен и ежемесячный офицерский дополнительный паек. 20 кг картошки, 10 кг квашеной капусты, кило 200 граммов масла, по 600 граммов печенья, сахара и крупы, 2 кг мяса, две больших селедки, а еще 20 пачек папирос «Беломорканал», свекла, сушеный лук, специи. Неплохо, говорим мы. Но, оказывается, паек не был бесплатным, за набор продуктов из зарплаты высчитывали 300 рублей и карточками уже не обеспечивали, девушки покупали их на рынке.

Нина Н[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]

посмотри
и вспомни
как [illegible]
зима 1944 45?
вспомни Мурманск
В полмен как
лил холод
в [illegible]
но колено в снегу
вспомни и
посмеёмся [illegible]

Кто есть кто?» — гадали иностранцы, глядя на девчонок в черных шинелях. Но со временем таможенницы стали узнавать. В 1944 году в новом деревянном доме открылись гостиница и ресторан «Интурист». Когда девчонки с подругой, тоже таможенницей, Шурой Галкиной проходили через общий зал на ужин, англичане — как правило, сидели по правой стороне, а американцы — по левой. Те и другие приветствовали девчонок овацией, дружно хлопая в ладоши и топая в ритм ногами. «Customs, customs, customs!»

Но таможенницы ощущали себя людьми государственными и на шалости иностранцев не поддавались! Вот Нина сходила два раза на свидания — и тут же ее забрали!

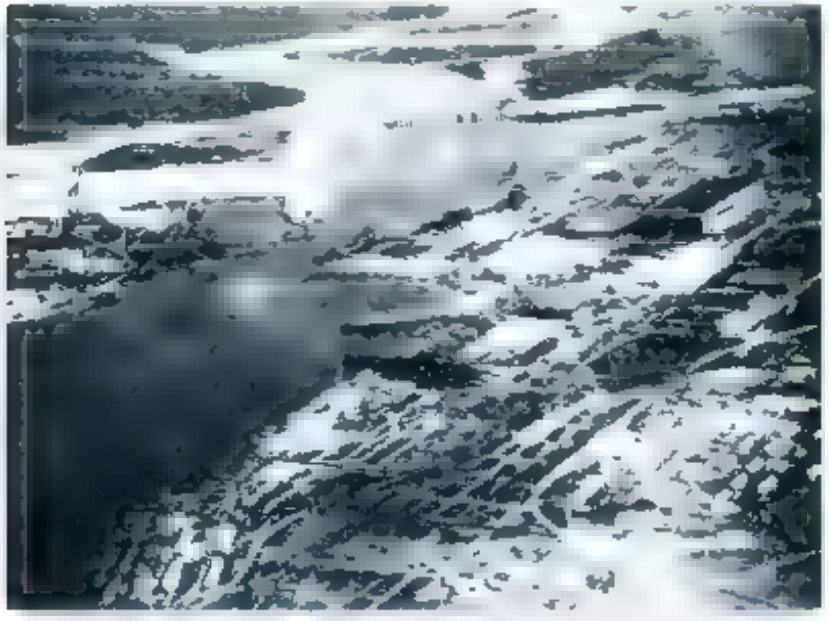
Специалистов не хватало. Девчонок кидали на «расшивку» узких участков — довелось поработать даже в прифронтовом Мурманске.

Груз из трюмов укладывали прямо на причал, а потом загружали в вагоны и отправляли прямо на фронт. Банки, самолеты, автомобили, провизия в мешках — пшеница, фасоль, сахарный песок. Невиданное ранее советскими людьми печенье с малиновым вареньем. И надо было строго следить, чтобы никакая мелочь не пропала!

Спирт перекачивали с судов прямо по шлангам в цистерны. Желающих присосаться к живительной струе и тогда хватало. Гоняли. После слива танкера шла зачистка трюмов, и таможенницы работали в противогазах. По всем правилам, судно после такой операции опускали в море. И юные девчонки четко контролировали все этапы таможенного оформления. Если требовалось, выходили на осмотры ночью.

Все грузы по ленд-лизу принимались в соответствии с официальными формулярами: проверялись списки экипажа, документы, сертификаты и описи грузов вплоть до патента на поднятие флага данного судна. В перечень контрабандных товаров входили питьевая сода, черный перец, кремни для зажигалок, швейные иглы — попробуй успеди!

Самым распространенным предметом контрабанды была американская жевательная резинка, которую таможня не пропускала из-за отсутствия сертификата соответствия. Конфискованные товары реализовывались по рыночному курсу: фотоаппарат «Кодак» стоил 1500



Панорама Мурманска. На рейде стоит крейсер «Мурманск» бывший американский «Milwaukee», полученный в 1944 г. в счет репарации с Италии (репродукция из книги «Арктические океанские конвои 1941–1945». СПб., 2000г.)

[illegible] конвоя PQ-2 (репродукция из книги «Arctic convoys» Richard Woolman. London, 2006г.)

рублей (средняя зарплата служащего), шоколад в 50 граммовой плитке и банка шпрот по 5 рублей, а сигареты по 50 копеек за штуку. Меха тоже были практически запрещены к вывозу, особенно шкуры пятнистых оленей.

И Юлии Павловне запомнилось, как требовала от некоего, облачившегося в ненецкую малицу, снять и сдать шубу, а у него на теле ничего больше не было надето. Вот смех! Иностранцы стремились выехать из России с «сувенирами». Скупали на рынках иконы, антиквариат. Все это конфисковывали по описи.

Юлия Павловна помнит, как 14 часов подряд проверяла перед обратной дорогой английский эсминец. Из личных вещей моряков изымала советскую валюту, целый мешок бумажных купюр собрала. Потом тщательно разбирала все купюры по одной и составляла акты.

Юлия Павловна Петрова

Когда суда приходили, первым делом таможенницы проверяли трюмы. Там обычно корабельные обезьяны жили. Ну а что не боцман, то попугай с ним. Всю живность опечатывали, на берег им нельзя. Строго запрещались к использованию на советской территории фотоаппараты и бинокли. Как обнаруживали? С помощью собственной интуиции. Из подсобных средств «государевы люди» снабжены были только фонариками. Даже форменного обмундирования не было. Не то что сейчас. Вот бы китель получить на память, долго мечтала Юлия Павловна!

Накануне юбилейного Дня Победы в 2005 году мечта старейшей таможенницы Ю. П. Петровой сбылась. Полный комплект форменного обмундирования ей подарили в честь юбилея Победы ее коллеги с Северо

двинской таможни. Юлии Павловне уже 85 лет, и она рада, что ей удалось щегольнуть в парадной форме!

Когда я работала в северодвинской городской газете «Северный рабочий» и публиковала материалы по исследуемой теме на ее страницах, то получила письмо от Юрия Куликова. Он рассказал о песне про союзников и даже прислал слова, изложенные по памяти, уточнив, что ударение в фамилии капитана Джеймса на вторую «е» – Кеннеди.

На экваторе капитан – *Джеймс Кеннеди*
Гордость Флота англичан – *Джеймс Кеннеди*
Не в тебя ли влюблены – *Джеймс Кеннеди?*
Шепчут девушки страны: «Джимми, Джимми!»

Припев

Только в море, только в море,
Безусловно, это так
Только в море, только в море
Может счастлив быть моряк

Шторм на море и туман – *Джеймс Кеннеди*
Но отважный капитан – *Джеймс Кеннеди!*
Свой корабль сквозь шторм ведет – *Джеймс Кеннеди*
Но и в бурю он поет: «Та-а-та, ра, ра, ра-ра!»

Припев

Вдруг немецкий перископ – *Джеймс Кеннеди*
И кричит: «Машина стоп!» – *Джеймс Кеннеди*
Очень точно нем-ца бьет – *Джеймс Кеннеди*
Фриц на дне уже орет: *«Джеймс Кеннеди*

Припев

Слышен в небе злобный вой – *Джеймс Кеннеди*
«Мессершмитт» над головой – *Джеймс Кеннеди*
Командир он неспроста – *Джеймс Кеннеди*
Сделал немца без хвоста – *Джеймс Кеннеди!*
И британский офицер – *Джеймс Кеннеди*
Носит орден СССР – *Джеймс Кеннеди!*

Эта пластинка была записана в 1946 году в исполнении Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии под управлением Б. Александрова. Но даже у меломанов мне не удалось ее обнаружить. Возможно, во времена холодной войны такие пластинки были уничтожены.

Слова незатейливой песенки недалеки от истины. Многие английские ветераны, участвовавшие в операциях по ленд-лизу, награждены советскими медалями. Также и некоторые наши, как, например, северодвинец Павел Васильевич Лапшинов, — орденами Великобритании. Гвардии старшина 2-й статьи, командир отделения артэлектриков Лапшинов не один и не два раза встречал английские караваны военных грузов на эсминце «Гремящий». За выдающуюся службу (так сказано в наградном листе) красный моряк удостоен высшей награды Великобритании. Медалью Короля Георга VI лишь в исключительных случаях награждаются иностранцы. За годы Второй мировой войны такая честь выпала всего двум морякам Северного флота. И один из них — Павел Васильевич!

Британская награда все послевоенные годы украшала парадный пиджак героя, но время истерло материю ленточки. С просьбой прислать новую Лапшинов обратился к англичанину Джеимсу Хинтону во время празднования 50-летия конвоев «Дервиш 91». Чувство морского братства не подкачало – Джеймс скоро откликнулся и через хорошо уже знакомого нам Билла Лоуза передал эту ленточку. Обновленная медаль вновь сверкает на груди моряка.

Надо отметить, что мне пришлось разыскивать не только подруг, но и друзей боевой юности союзных

Гав Сорокин

Гав Лапшинов-орден

ков. Так, Лен Таки (тот самый, о котором я рассказала выше, он выпускал газету «Неправда» в военном Архангельске) из Ромфорда при встрече протянул мне крошечную, с уголком, свободным для печати, фотографию. Полуистершуюся надпись на обороте мне пришлось восстанавливать через увеличительное стекло: «Английскому матросу от русского матроса Сорокина Адика, э/м «Разъяренный, 24 11, 1943». Для консультации я позвонила как раз Павлу Васильевичу Лапшинову.

Да, эсминец «Разъяренный» был в нашей бригаде, но он пришел в Северный флот с Дальнего Востока. Хотя кое-кто из экипажа и остался на Севере после войны. Когда мы встречали караваны, к нам на борт всегда поднимались английские сигнальщики – так могла завязаться дружба между Адиком и Леном. Где-то в конце войны «Разъяренный» был торпедирован фашистами. Но, может быть, Сорокин был в числе спасшихся моряков.

Так хотелось верить в это! Но Адик не откликнулся на публикацию в газете, а через несколько лет ушел из жизни и Лен Таки, так и не узнавший про послевоенную судьбу своего фронтового товарища.

И еще мне хочется рассказать историю про то, как русский моряк воевал на американском катере

Что до 50 летия празднования Союзных конвоев мое послевоенное поколение знало о ленд-лизе? Тема была закрытой

Помню, в середине семидесятых еще тогда XX века в разгар джинсового бума наша молодая компания возвращалась из леса На полустанке между Северодвинском и Архангельском мы повстречали бодрого старичка с кузовком, терпеливо поджидающего поезда (пригородные «электрички» почему-то тогда называли дежурками). Дед был одет в костюм фирмы «Вранглер» Естественно, мы засыпали его вопросами: откуда, мол, джинса? Парни даже просили его продать модную куртку Дед пыхтел, нещадно смоля самосад, но на заманчивое предложение не согласился джинсовая реликвия, оказалось, сохранилась с военной поры, ленд-лизовская. Мы чуть не упали: во дед дает!

«И тогда впервые в жизни я услышала рассказ, как «в нашу гавань заходили корабли», английские и американские. Кроме военной техники они доставляли невиданные советским глазом джинсовые костюмы - робы, ушейку из ондатры и прочие мелочи И между мес.

Николай Иванович Шамин. 1996

ными жителями и союзниками начинался товарный об ен Я вспомнила про этот случай, когда ветеран войны Николай Иванович Шамин после 50 летнего молчания в период горбачевской перестройки поведал мне ис рию своей войны, про героический перегон катеров больших охотников» из США (Флорида) на север Со ского Союза. Это было в 1943 году Спросила его в лоб: не он ли тогда вышел из леса с кузовком? Сме ся: нет. Была у него тоже конечно, джинсовая роба но он ее выносил еще в послевоенную пору

«Итак, начинает рассказ мой убеленный сединой со седник. Для охраны конвоев требовались американ кие юркие катера под названием «большие охотники с деревянными лодками (большими они были только

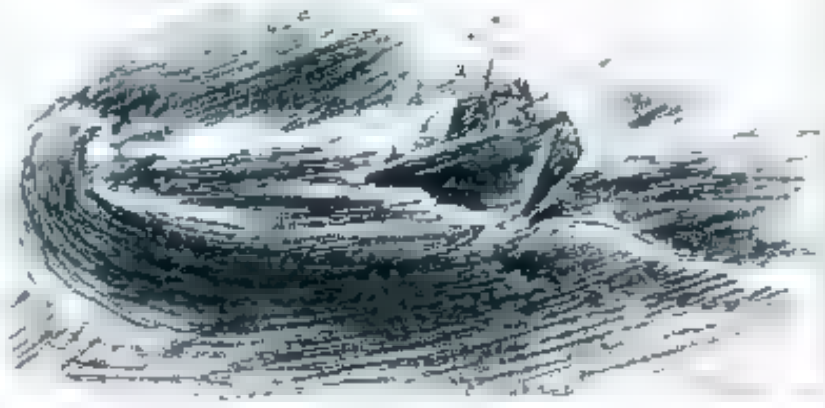
по названию), и американцы не спешили отправлять свои корабли на маленькие советские базы. Однако фронтовая обстановка на фронте заставляла искать срочные решения, и тогда

«Вы сами, самостоятельно, перегоните корабли, переданные по ленд-лизу», – объявили спецкоманде молодых моряков. Со всех ног ребята кинулись переодеваться в гражданскую одежду и на продуктовых складах (чтобы скрыть свое) и отправились самолетом во Владивосток. Там в американском консульстве у всех сняли отпечатки пальцев и в бумажном конверте перебросили в США. К тихоокеанскому Портленду волокли цветущие весной

Как хотелось после штормового перехода окунуться в тихие воды реки Колумбии! Не пришлось. Комендантский осуществлялся чуть позже – на золотых пляжах Флориды. Хлопцы открывали для себя Америку. Американцы с любопытством разглядывали русских моряков, видя в них марсиан в каких-то странных бушлатах

Встреча стала откровением для обеих сторон. Советские парни ожидали увидеть проклятых капиталистов-мистеров Твистеров, а американцы – голодных медведей. Ожидания не подтвердились, и стороны приглянулись друг другу. Началась охота за сувенирами: в ход шли монеты, звездочки с фуражек, металлические пуговицы с шинелей, зажигалки, и отношение к нам. Русских потчевали невиданными экзотическими фруктами: бананами с кокосом и кока-колой – словом, теми гостинцами, которых они вообще в глаза не видели

Встречали русских моряков как героев: после Сталинграда об этом писали и снимались кругом в газетах



Фрагмент картины «Привязка каравана» (Н. Шлиев, 1988 г.)

сменников. После недельного отдыха в Сиэтле отправились во Флориду, где в Майами их предстояло изучать военную технику. В окопе пристреливали зенитную установку «Эрликон», Невада джунгли, и Шамиль с удовольствием вспоминал про гражданскую профессию (художник) – цветовыми пятнами изображение тропические кактусы, но командир запретил художества

Как дети, привыкали к незнакомой пище. Хлеб – только белый и в пластиковых упаковках, вместо супа – бульоны, огурцы – в сладком соусе, вместо специй – ре... в сыре. Акустик Паша Могилко рассказывал, как красивая женщина, ковыряя вилкой в тарелке, спросила: «Что за смородинные хрукты?» На этот раз «хруктами» оказалась запеченная картошка

Кстати, за год в Америке ребята так истосковались по острому и соленому, что на приеме в советском кон

Николай Шамин (второй слева) с боевыми товарищами после возвращения из США

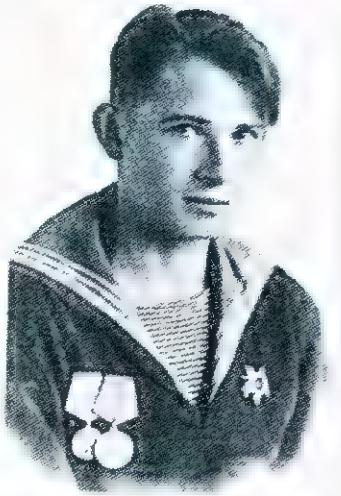
сульстве перед отплытием из Нью-Йорка навалились на селедку с черным хлебом.

Поразил сервис. Пальмовые аллеи. Небоскребы. На карманные расходы ежемесячно выдавалось 15 долларов. Много ли, мало, если плитка шоколада и сигареты «Мальборо» стоили по пять центов?! Между прочим, по пачке «Кэмел» бесплатно давали и так каждый день. Шамин на память об Америке приобрел швейцарские часы с серебряной цепочкой почти за девять с половиной долларов.

Курсантов по выходным приглашали с концертами в общины эмигрантов-украинцев. Как им аплодировали за романсы под гитару и матросское «Яблочко»!

Гулять по городу разрешалось до полуночи и по трое. Как-то раз Шамин с друзьями догулялись до комендантского часа. До отеля далеко. Что делать? Опаз-

дывать-то нельзя! Выбрали из близстоящих коттеджей тот, что не очень богатый с виду, но у крыльца стояло две машины. Старшина зашел за порог и языком жестов объяснил хозяевам, куда их надо срочно доставить, не отказали!



Николай Шамин после вручения ордена, 1944 г.

Как-то раз после обеда матросикам захотелось отведать кокоса. Спорят, кому на пальму взбираться. Тем временем мимо шлепает пацан с ящичком за плечами – чистильщик обуви. Только рад подзаработать влез наверх, набросал кокосов и даже показал, как пить из них молоко. Тут подъехал шикарный автомобиль, и дама, вся в золоте, что-то зачастила мальчишке. Моряки подшучивают:

– Ну как, еще работенку сшиб?

– Да нет, это моя мама.

Оказалось, мальчик из зажиточной семьи. Фабрика, что через дорогу, принадлежит его отцу. А он с детства учится «делать деньги». Такой стиль поведения был абсолютно необычным для советских граждан.

Их удивляли и трамвайные вагоны, отдельные для белых и негров. На железнодорожном вокзале (американский юг!) – разные входы для черного и белого человека. Негры везде уступали место белым – людям высшего сорта.

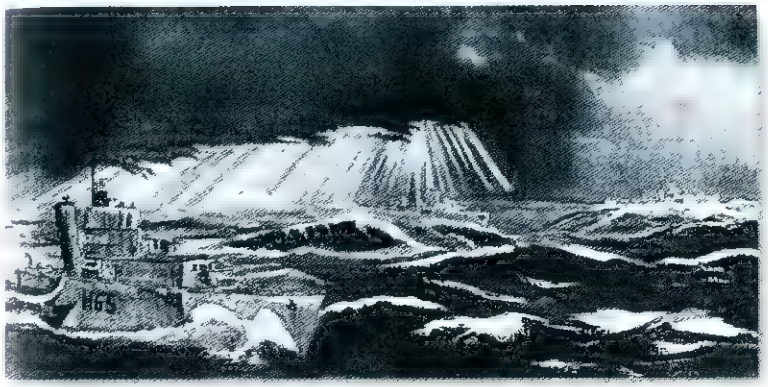
А молодые русские не могли не задуматься над качеством новой жизни. Они увидели совершенно иной мир, но язык не распускали и даже шепотом не говорили меж собою о заграничном житье-бытье.

– Да кто и поверил бы тогда дома этим рассказам, – резонно замечает Николай Иванович, – кока-колу-то в баночках завезли аж через 40 лет после этого нашего путешествия! По тем временам за рассказы про одну только безобидную шипучку колу можно было угодить за решетку.

Перед отходом в море им выдали американские овчинные полушубки и меховые рукавицы. Длина катера – «скорлупки» – 30 метров, ширина – пять. На борту 28 человек, целый интернационал: еврей, татарин, армянин, белорус, украинец, цыган, русские. Жили дружно, как пальцы в кулаке.

Через Канаду, Исландию вышли ко льдам Арктики и выполнили задание Родины – привели катера своим ходом. После войны «американское прошлое» не раз аукалось Николаю Ивановичу, но по мелочи. Выйдя на пенсию (он работал в Северодвинске на военном предприятии), часто выступал перед молодежью и в школах, но об американских эпизодах всегда говорил скупо…

Союзники, ветераны Полярных конвоев с английской и американской стороны «морского Зазеркалья» тоже живут воспоминаниями. Об этом я узнавала по приветам из-за океана. О своих проделках американец Джон Ле Като написал в журнал «Life» в 1944 году. Копию статьи в 2000 году прислали мне наши бывшие соотечественники из США по просьбе Джеймса Хамплина, приятеля Джона, тоже очевидца тех далеких событий. Он очень хотел бы получать письма от молотовчан, он интересуется историей Ягринлага и судьбами бывших узников.



Британские эсминцы вблизи острова Медвежий (фоторепродукция картины Кэтина МакМиллана из книги «Полярные конвои: 1941–1945», СПб., 1999 г.)

…В 1943 году шесть американских торговых кораблей пришвартовались на севере России. Из-за недостатка сопровождающих судов они вынуждены были пробыть в Советском Союзе восемь месяцев, сначала в Мурманске, затем в Молотовске. Впечатления «забытого» всеми официальными лицами конвоя описал Джон, третий офицер одного из судов: «В течение восьми месяцев, которые мы должны были провести в Молотовске, нам ничего не оставалось делать, как приспособиться к местной жизни. Несмотря на то, что мы не знали ни души и только несколько непечатных слов на русском, нам не терпелось познакомиться с молотовцами. День или два спустя после нашего прибытия я вышел в город на разведку.

Мне никогда бы не пришло в голову, что русские будут рассматривать меня как диковинку, но так оно и слу-

чилось. Из окон выглядывали головы, и люди приостанавливались на улице, чтобы хорошенько разглядеть американца. Женщина в теле и ее дочь затащили меня в дом, и начался балалаечный концерт. По его окончании мамаша заварила чай, который мы пили из стаканов, и показала мне фотографии мужчин семьи.

Когда я уходил, мать и дочь весело обсуждали, как хорошо мы провели время. Или так мне показалось. Русский язык не из самых легких, и мы не всегда все понимали правильно на первых порах. Одно из недоразумений вышло по поводу имен девушек, управляющих лебедками порта.

Они постоянно кричали друг другу слова, звучавшие как «вира» и «майнер», из чего мы заключили, что это были их имена, так мы их и приветствовали. Позднее мы узнали, что слова на самом деле относились к управлению лебедками и означали что-то вроде «вверх» и «вниз». Девушки, однако, не возражали и продолжали откликаться на их новые имена.

Молотовск – это дитя войны, с дорогами из досок, без канализации. Когда у нас была возможность, мы садились на поезд и ехали в Архангельск, где обнаружили два клуба для военнослужащих. Некоторые девушки поначалу относились к нам недружелюбно и встречали нас возгласами «Blow, Joe!» («Отстаньте!).

Сначала это вызывало у нас недоумение, пока мы не узнали, что они занимали высокие посты на заводах и были предупреждены начальством о том, чтобы не разговаривали с иностранцами слишком много. Однако продолжительные танцы и стопка водки обычно разрушали их сдержанность. Русские девушки казались серьезнее американских. Девушка по имени Таня,

к примеру, обсуждала идеалы Карла Маркса, танцуя щека к щеке со мной.

Однажды я с другом был в ложе Архангельского театра на представлении «Розы Марии» на русском языке. В соседней ложе находились две красивые девушки. Они хихикали и прислали нам записку, приглашая встретить их после представления у статуи Сталина в ближайшем парке.

Вечер складывался прекрасно, пока они не сообщили нам, что мы интересуем их только в целях улучшения произношения их английского. Мы провели часы, прогуливаясь по парку, повторяя «Франклин Делано Рузвельт – президент США» и пытаясь объяснить, почему слово «enough» не пишется с буквой «f».

Один моряк влюбился в русскую девушку и подарил ей сигареты, мыло и даже собственные ботинки. Он покрасил стены ее комнаты и в заключение как любовный подарок преподнес ей замок. Она с благодарностью приняла замок, повесила его и закрыла для ухажера дверь.

В знак внимания к союзникам Интерклуб спланировал пикник на целый день. Он должен был пройти на приятном с виду островке, покрытом зеленой травой, посередине Северной Двины. Клуб упаковал обед и заказал баржу. Однако случилось непредвиденное.

Трава была на самом деле густой и сочной, но когда наша баржа причалила к острову, оказалось, что трава росла из воды, заливавшей целый остров. Никто из организаторов ни разу не бывал на острове и ничего о нем не знал. Наш обед был поглощен на барже в напряженном молчании, прерываемом только едкими замечаниями американцев об оглупляющем действии жизни в плановой экономике.

Льды Арктики (HMS Nigeria) (репродукция из книги Ричарда В[illegible])

Самой постоянной составной нашей жизни являлся черный рынок Архангельска. В России еда рационирована, но ее не запрещается покупать по высоким ценам без талонов. Так как у нас не было талонов и наша диета в наборе у суда состояла в основном из консервированной ветчины, наши десны от недостатка овощей стали кровоточить, и в отчаянии мы отыскали местный рынок.

Одна группа специализировалась на добыче зеленых овощей, другая – яиц, и так далее. Я стал основателем картофельно-помидорной кампании. В торговле с русскими наши товары составляли сигареты, хозяйственное мыло и пустые банки из под кофе.

Хозяйственное мыло стало признанным средством обмена, и курс трех яиц за кусок мыла удовлетворял обе стороны. Русские подходили с приветствием «Как дела, товарищ?» – и торговля начиналась. Каждую сдел-

венников прохожие, ворчавшие, что американцы - это обманщики вдов и грабители сирот.

Восемь месяцев в Советском Союзе – это долгий срок, но мне нравилась страна, как и большинству моих друзей. Когда мы, наконец, уезжали в ноябре 1943 года, толпа молотовцев махала нам на прощание с пирса, в то время как наши суда выходили из гавани. В узком участке мы прошли мимо землечерпалки, и мальчик, работавший на ней, крикнул: «Покурить, товарищ?»

Я бросил ему пачку, не долетевшую до него, и нашей последней сценкой из России стал мальчик, ныряющий за сигаретами в ледяные воды Белого моря».

Джону, как и многим морякам, повезло - они вернулись домой.

Но в Архангельске все же остались [illegible] иностранных моряков. Холод, как бы ни храбрились

Встреча Великобритании на Английском [illegible]

иностранные моряки, но у многих из них от недостатка витаминов начинала цинга), холод (крепкие русские морозы хватали за горло), бомбежки, непредвиденные экстремальные ситуации в море – все это накладывало отпечаток на здоровье. Шла война со всеми вытекающими отсюда последствиями. И кому-то было суждено умереть не на родной английской земле, а в России-матушке..

Все архангелогородцы знают про Английский мемориал. Это на Кузнечевском (Вологодском) кладбище. Хранящие покой могилы напоминают о драматических событиях XX века. Большинство захоронений относятся к периоду интервенции (1914–1918 гг.).

Но на нескольких плитах обозначены годы Второй мировой войны: здесь покоятся бомбардир Г. Кимсей (в 1944 г. ему было 28 лет), 26-летний матрос Уильям Пирт и 33-летний капрал Сирил Ватсон (погибли в 1943 г.). Вечная слава Героям и мир их душам!

Зиночка… На пути своего исследования темы любви по ленд-лизу я никогда не забывала о ней. С 1995 года, когда английский ветеран Полярных конвоев Билл Лоуз обратился ко мне с просьбой разыскать его русскую подругу военной поры, я усердно была в поиске.

Разные комичные ситуации случались. Это когда к Биллу подходили бойкие тетеньки и говорили: «А зачем вам Зина? И чем мы хуже ее?!» На шутку Билл реагировал шуткой. Но однажды, в очередной свой приезд в Архангельск, прогуливаясь по набережной Северной Двины, он заметил, как пожилая женщина сделала ему знак: подойдите, мол. Накануне он выступал по радио и опять обмолвился о Зине. На тот момент в Архангельске многие уже знали английского чудака, ищущего много лет подругу молодости.

Билл остановился рядом с незнакомкой, а она достала из кармашка плаща фотографию и, тыча в нее пальцем, с запасом английского в несколько слов, объяснила ему, что это и есть Зина Кузнецова (послевоенное фото), она жила в Соломбале и недавно умерла. Каково же было состояние Билла в ту минуту! Сердце сначала чуть не остановилось, а потом чуть не выпрыгнуло, слезы текли из глаз, не останавливаясь два дня.

Видя искреннее отчаяние, я, как могла, успокаивала друга и решила, что непременно найду истину! Позже оказалось, что соломбальская Зина Кузнецова – полная тезка искомой Зиночке! Какие только еще невероятные совпадения не приготовлены на пути!

И так же, как в случае с поиском Томаса Макадама, только интуиция подсказывала мне не останавливаться. Архивы, документы, письма, эмоции и слезы – столько лет напряженной работы.

Так странно: накануне Билл прислал мне письмо о том, что в его сад прилетел большой голубь – редкое явление в их английской деревне. Не иначе, будет большое известие! За годы своих исканий я научилась видеть и толковать знаки (подсказки), встречающиеся на пути. К этому по-разному можно относиться, знаю, кто-то скептически смеется, но я не обижаюсь. Новость не заставила себя ждать.

Перед этим мы начали действовать методом «народного прочесывания» – иначе я не могу выразиться, когда весь Архангельск исследовался район за районом. И, кажется, как буднично: телефонный звонок о том, что вроде бы Зина найдена!

Поиск, как оказалось впоследствии, осложнялся по нескольким причинам. Во-первых, Зиночка, будучи старше Билла на несколько лет, не могла в молодости признаться ему в этом. И, естественно, по-девически она приуменьшила свой возраст – год рождения не совпадал с искомым, отсюда и возникавшие заминки.

Во-вторых, сам Билл кое-что перепутал: например, Руфа не была дочерью Зины! Это ее племянница. А дочку звали Галя. Причем через четыре года после старта поиска Билл припомнил-таки точное имя, а сколь-

Автор долго пыталась найти дом, в котором жила Зина

ко сил уже я потратила! Да и номер дома Зины на пр. 11. Виноградова оказался не 117, а 116.

В-третьих, Зинаида Алексеевна позже мне рассказала, что видела ту самую первую заметку в архангельской газете, но поскольку она Билла называла не иначе как Белл (и даже Бельчик, производное от «Бельчонок» сама придумала ему такое ласково уменьшительное имя), то и не отреагировала: мало ли случается совпадений?! Да и не верилось ей, что Бельчик вдруг взялся в такие сумеречные годы разыскивать ее!

Такая была Галя
Билл на всю жизнь

Звоню по указанному номеру телефона о том, как срочно нам надо встретиться по важному поручению издалека, а главное — передать пакет. От кого? — При встрече все узнаете, объясняю. Доброжелательный мягкий голос на том конце провода ответил согласием. Хватаю папку с письмами Билла (их накопилось уже более шестидесяти) и мчусь на дальнюю окраину Архангельска. Прошу прощения за внезапное вторжение и выкладываю все про Билла: «Он вас любит!» Зина ахает.

Ничего себе сюрприз для моей собеседницы! Посетившая Зиночка никак не хочет верить, что давний ее партнер по танцам в клубе помнит то, о чем она и не вспоминала. Я не сдаюсь. В доказательство цитирую письмо: «Одно из самых светлых и прелестных воспоминаний жизни, когда я увидел глаза Зины, припорошен

ные иней на ресницах Это было на набережной Двины морозной зимой 1941 года»

За годы поисков мы с Биллом о многом доверительно переговорили Он делился «Все, что я чувствую и ощущаю сегодня, думая о Зине, можно вместить в одно лишь слово – ЛЮБОВЬ»

Об увлечении мужа в юности знала и его жена. Мудрая Филис терпеливо относилась к его воспоминаниям. И незадолго до своей смерти даже приезжала с ним в Архангельск, чтобы попытаться разыскать Зиночку узнать, в чем притягательность этой русской женщины Увы..

Пока шел поиск, у Билла накопилось много версий, связанных с судьбой Зины. Может, она была одной из тех девушек, которые, согласно распространенной легенде пытались сбежать из Со

ветского Союза в трюме английского эсминца, но были арестованы на границе. Нет, благоразумная Зина оказалась не способна на подобные приключения Все банально и просто: уехал Билл. Первое время плакала письма ему писала, а потом забыла. Дружба, даже самая нежная, ни к чему не обязывала. Если можно считать их отношения романом, то лишь платоническим

и Билл Лонг в годы войны

И вот 26 июля 2002 года Билл и Зина встретились в Архангельске вновь. Он сидел в кресле напротив и плакал. Не то чтобы слезы лились градом или катились по его лицу, но они застилали ему глаза туманной влажной дымкой Позже Билл признался, что был оглушен и не помнил буквально ничего с того момента, как вошел и увидел Зину. Чтобы сбить особый эмоциональный накал первых минут, он взял с собой увесистый фотоальбом Будет куда смотреть и что разглядывать, чтобы не плакать» Не помогло

Тогда обратились к музыке юности, музыке любви романтичный Билл привез в подарок Зине записи тех самых мелодий вместе с магнитофоном, но двигаться в ритме свинга Зина, увы, уже не могла

Билл и Зина в день свадьбы, 1945 год

Зина – Зинаида Алексеевна улыбается, и на щеках появляются ямочки. Билл тут же подмечает эту деталь: «У нее такие неповторимые щечки!» На том снимке, который он сделал в 1943 году, Зина в модном шляпке напоминает ему голливудскую киноактрису Элизабет Маргарет Макговерн (помните фильм «Однажды в Америке»?) И сегодня прослеживается это отдаленное сходство. Воспринимать такой комплимент в 80 с лишним лет допускается с известной долей скептицизма: «Да не смеши ты меня!»

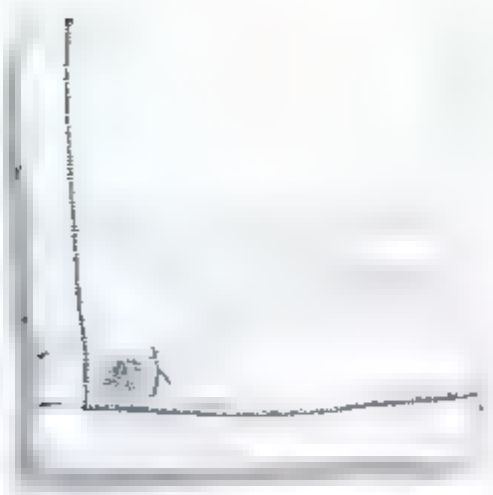
На этом снимке Зина напоминала Биллу американскую киноактрису Элизабет Макговерн

Все чувства переплелись: удивление, некоторое восхищение, недоверие, любопытство, благодарность… Сердечность и простота встречи позволила не кривить душой. Зина, твердый орешек, порой поджимала губы. Билл комментировал:

– А мне нравится. Моя строгая мать делала так же!

В июле 1943 накануне расставания влюбленные обменялись кольцами, и Билл привез с собой колечко, подаренное ему Зиночкой на память перед расставанием.

Он возвращает и голубой платочек с вышивкой, Зина подарила его при знакомстве, когда объясняла, о чем поется в песне «Синенький скромный платочек».

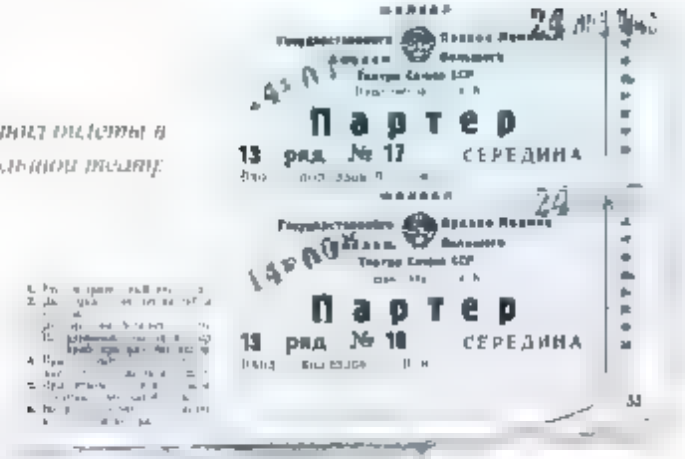


С веником и кремовыми платочек подарила Зиной Билл

Он носил его зашитым во внутренний карман пиджака почти шестьдесят лет!

Билл провел в Архангельске в военную пору 23 месяца, обеспечивая английскую миссию радиосвязью. «Я был юный и невинный». Зина стала его постоянной партнершей по танцам. Не более. «Танцевать со мной, пожалуйста», – так подошел он к понравившейся девушке в павильоне архангельского стадиона «Динамо», где были организованы «дискотеки» для союзников. 27 ноября 1941 года. Дата не просто врезалась в память, он записал ее в своем дневнике.

Какая суровая зима наступила, в конце декабря ходили в кинотеатр «Арс» на фильм «Трактористы», обратно бегом бежали, мороз хватал за щеки, минус 36! Накануне новогодья Билл пригласил ее в театр и в буфете угощал горячим шоколадом – невиданная по тем временам роскошь, отогрел! Первого января 1942 года они опять танцевали на «Динамо», за окном – минус 48 градусов! Холода не смогли остудить молодые сердца.



Билл сохранил билеты в Большой театр

Чем привлекла его Зиночка? В трескучие морозы закутанные в тулупчики и пуховые платки северянки не выглядели соблазнительными. Но трудно было Биллу не заметить обходительный и добрый нрав, кулинарные способности подруги. Он запомнил, как веселились 8 марта в доме отца Зиночки, и отмечал потом этот женский праздник в Англии, рассказывая всем родным, что в этот день мужчины в России дарят цветы любимым, готовят обед и пылесосят ковры.

Билл всегда провожал Зиночку до дома и из-за этого влипал в истории. В городе действовал комендантский час. Его на улице задержал патруль для выяснения личности, процедура растянулась до рассвета, попал в каталажку. В тесное помещение набилось много разно-

го народа. По кругу пустили сигареты, предложенные Биллом. Потом в ход пошли папиросы.

Утром курение завершилось махоркой с подмешанной к табаку мелко измельченной шелухой семечек. Билл демонстрировал сокамерникам свой револьвер «Смит и Вессон» 38-го калибра. А постовой показывал ему короткую винтовку со штыком. Вскоре Билла вызволили из-за решетки старшие офицеры миссии.

Война, как заноза, напоминала дружной парочке о себе ежечасно. Вместе с Зиной, когда выпадала ее очередь, Билл ходил на дежурства во время воздушной тревоги и бомбежек сбрасывать вниз зажигалки, попавшие на крыши. Ему, иностранному гражданину, не полагалось этого делать, дабы не нарушать инструкцию. Но он не мог не помогать подруге в опасные моменты.

Возвращаясь в свое общежитие на улице К. Маркса, повторял на ночь слова матросской молитвы: «Господи! Поскольку сегодня я все сделал как надо – не сплетничал, не выходил из себя, не был жадным, сварливым, злобным, эгоистичным, похотливым, Господи, я благодарен тебе за это. Аминь».

Мы приехали помогать вам, а не шпионить. Работали сутками. Наши самолеты «харрикейны» на первом же вылете продемонстрировали высокую эффективность: сбили 17 вражеских бомбардировщиков, а сами потеряли только один! Но за нами постоянно наблюдали, следили, – с обидой говорит Билл.

Зина подтверждает:

Да, все контакты отслеживались и пресекались. Люди боялись общаться с иностранцами. Это было опасно в те годы.

Зина в годы войны

Кому, как не ей, юной машинистке Кулойлага, это было хорошо известно! Она никогда не скрывала от Билла, что в некоторой степени принадлежала советской карательной системе. На прямой вопрос Билла после знакомства на танцах в 1941 году «Где ты работаешь?» Зина честно ответила: «Там!» и подняла указательный палец вверх. Он сразу понял – не иначе как в НКВД, значит, и в ее обязанности входило докладывать в органы подробности встреч, но влюбленного это не взволновало. В их отношениях превалировали прежде всего чувства. Осторожность была на втором плане.

Все равно молодежь находила способы встреч. Однажды собрались на вечеринку в Соломбалу. Шли через реку по голому льду – скользко! Билл тащил на себе граммофон, а за пазухой летнего комбинезона более

Билл Лоуз и Зинаида Алексеевна Кулешова, 2007

драгоценный груз – пластинки с записями запрещенного тогда Вадима Козина.

Или еще такой случай. В конце 1941 года в столовую английского общежития привезли из Мурманска мешок испанского лука. Каждая луковица размером с большой апельсин. Девчонки-поварихи чистили луковицы и с удовольствием ели их, как сладкие яблоки. Англичане заметили, так лук пошел на подарки подругам моряков.

Пришел приказ из Лондона, и сержант флота Его Величества короля Великобритании Билл Лоуз уехал из Архангельска. Осталась переписка через надежных друзей. Зина, работавшая в прокуратуре Кулойлага машинисткой, как никто другой понимала опасность связей с иностранцами. И все-таки писала.

Билл сохранил ее письма. В одном из них – 27 крестиков после слов прощания. На английском языке любви нарисованный крестик обозначает поцелуй. Естественно, при встрече Билл потребовал от восьмидесятилетней подруги возместить 27 поцелуев, пока есть возможность. Зина только хохотала в ответ.

Билл говорит по-английски, вперемежку с русскими словами. Да и Зина вспомнила кое-что из былого словарного запаса. «thank you», «enough»... Она вздыхает:

– Хороший ты человек, Билл! Но куда же я полечу из родного гнезда. Я и представить не могу, что уеду из родного Архангельска.

Нет, непереводимы эти слова и эти чувства... Билл жил только надеждой на эту встречу последние десять лет. Зина и не вспоминала о том, что случилось в молодости. Билл объехал полсвета, бывал в Испании, Индии, Иордании, Малайзии, Марокко и даже в Австра

лии Зина изредка, как все северяне, выезжала с семьей в Сочи а еще в Ригу, где жила после институтского распределения младшая дочь Ида. Разные возможности, разные заботы.

Июльские дни встречи 2002 года пролетели для них как в тумане. Возобновилась переписка. Телефонные звонки. С молодости Билл запомнил нежные струнки тембра Зининого голоса и по тону узнавал ее настроение и здоровье. Он подружился с ее дочерью Галей, которая сейчас сама мама взрослого сына Олега и бабушка внука Артема.

Галочка долго подбирала подарок Биллу на День благодарения И отправила ему теплые черные тапки из оленьего меха. Английский друг, получив посылку, поехал к дочке Виктории показывать всей семье русский сувенир - полный фурор! И в конце писем стал подписываться «Билл – Черные ноги».

С юмором у него все в порядке, и присланная им басня про объятья всем нам понравилась. «Плохих объятий не бывает, есть только хорошие и просто замечательные Они не приводят к полноте Не вызывают кариеса и тем более рака Они не содержат сахара и холестерина. Не требуют батареек, настройки или рентгеновских лучей. Не облагаются налогом, подлежат возврату и придают энергию. Безопасные при любой погоде, особенно хороши в холодные и дождливые дни и исключительно эффективны для решения таких проблем, как плохие сны и утренние депрессии по понедельникам Мораль? Никогда не жди до завтра, чтобы обнять того, кого ты можешь обнять сегодня».

Зинаида, предполагал Билл, наверное, не очень огорчена, что ее разыскали в сумеречные годы, так обозначают этот период жизни пожилых людей в Англии Всплеск эмоций в свои восемьдесят

Зимой 2005 года, не дожив всего несколько месяцев до майских торжеств, умерла Зинаида Алексеевна. Билл с трудом пережил это известие На празднование 60-летия Победы в составе делегации английских ветеранов, участников Союзных конвоев, он не приехал в Архангельск За две недели до юбилейной даты он тоже ушел из жизни.

Его три дочери Виктория (названная так в честь победы над Германией), Джун и Рикки пригласили меня и Галю приехать в гости, и мы (с переводчицей Галиной Чарупой) отправились в путешествие на годовщину смерти Билла.

В каждом доме, где нам довелось погостить, мы чувствовали по-настоящему русское гостеприимство Более того, радушные хозяева, провожая, приглашали нас приезжать еще и еще! 22 апреля мы почтили память Билла в деревне, где он жил.

Как оказалось, у Билла нет могилы как таковой. Его прах (по завещанию) развеян в небольшом деревенском парке, и на этом месте посажено молодое вишневое деревце. Дочери Билла установили под вишенкой табличку, а мы посадили цветы.

После траурной церемонии был дан поминальный обед уже по русской традиции Кстати, Виктории, старшей из дочерей, приглянулся этот обычай - раз в году, в день смерти отца, собираться, ездить к могилке и поминать родителей Они по-человечески, с пониманием отнеслись к подробно рассказанной нами истории его взаимоотношений с Россией...

SUMMARY

«Lend-Lease Love» is a documentary story about the destinies of Soviet women who befriended foreigners visiting the northern ports of the USSR with the lend lease ships caravans at the times of the Great Patriotic War

With this book the author, Olga Golubtsova, opens a new series called «Tragic Destinies» which will comply two more novels – «Life after Life» (the story of Marina Prusakova-Oswald, a Russian wife of Lee Harvey Oswald, the murderer' of the US President John Kennedy) and «Let the candle glimmer » (the title is not final, about the last of the Bestuzhev Courses graduates in Russia Kseniya Gemp.

It all started at the Arkhangelsk airport in May 1995 British veterans, members of the «Russian Convoys Club», were coming to celebrate the 50th anniversary of the victory over the Nazi Germany It was there that Bill Lowes, one of the veterans, asked the author to find his war time Russian girl friend.

On August 31, 1941, the first caravan of ships of the allies came to Arkhangelsk. To receive and transfer the cargo British Naval Missions were opened in Arkhangelsk, Murmansk and Molotovsk (Severodvinsk since 1957) with a constant staff (80 people worked at the British Mission in Arkhangelsk only in 1943) The cities were overflown with sailors who came with the caravans. International Seamen's Clubs were opened in all the three cities, where there were cinemas, restaurants and dancing floors. The only remaining InterClub is in Severodvinsk. Good mannered foreign seamen in search of company quickly found Russian girls ready to converse and share a laugh, and such informal relations developed easily Authorities of both states regarded these contacts as negative Allegedly there existed a secret order in the British Mission to send everyone who was noticed in having contacts with Soviet citizens to some other place to serve. On the Soviet side authorities registered all the contacts, and sometimes ordered people to cooperate with and report to the KGB, sometimes girls even were allowed to marry (with much delays and bars), as a result all the girls who had had any contacts with foreigners during the war were sent the GULAG to serve their sentences

The chapters' titles each tell their own tale Broken destinies. Fluttering over the InterClub issue, the city of Glasgow, the ancestors' land, War love tears, A ring that came from the year 1944.

«The 'Little' Vera and Yasha»

Vera Georgiyevna Tsirul' was a daughter of the Director of «Arkhmorput» (The Arkhangelsk Sea Route Head Office), G Ya Nalivaiko, who used to be a good friend of I D. Papanin She spoke French, English and Spanish, and as an interpreter she took part in the talks between A I. Mikoyan, Vice-Chairman of the and People's Commissars Council, and W A Harriman, a U.S Ambassador She met Jimmy Morrison in 1943 at a library, and he gave her an Oxford dictionary as a present. They used to meet in secret, in summer they usually went to some island on the river In 1944 Jimmy was sent to the front where he was soon wounded. She kept sending him letters through the British Mission. In 1946 when the Mission was leaving Arkhangelsk she witnessed a crush on the pier where women were crying for

those leaving. She also noticed people in plain clothes who photographed the crowd. She was not arrested only thanks to Papanin's influence. In 1996 they learned that each of them survived, they corresponded with each other.

«Lord from the Dvina banks»

Yelena Ivanovna Ivanova was a librarian at the Medical Institute. She met Eric Campbell, a telegrapher of the British Naval Mission, Lord Campbell as he introduced himself (in her words) on the dancing floor in 1943. They fell in love with each other, soon their son Edward was born. Eric himself registered his son at the Registry Office and gave him his name – Edward Ericovich Campbell. They tried to fill in all the papers needed to get married but were late with the documents – Eric was sent away from Arkhangelsk to some other place to serve. They corresponded till 1946 when she was arrested and sentenced to 10 years of prison (article 58). When she was freed she had to apply for a benefit to raise her child. To do this she had to ask Eric to refuse his father's right. In 1959 his consent was received. Eric's son Edward was not allowed to enter any higher educational institution, and became a manual worker at a saw mill. He died of heart infarction at the age of 50. The author found Eric in Britain, he sent a letter to Yelena wishing to meet her in the Kingdom of Heaven.

«Peter + Lyudmila = Parting»

Lyudmila Khokhlina, a theatre student, was married to Peter Squire. After he was transferred to Moscow, she came there to be with him, but he was immediately sent to the front. She stayed with the Embassy and worked as an interpreter there. In 1947 she had to leave the Embassy and to apply for a divorce in 1948. She was arrested and kept in Le-

fortovo Prison. Later she served her sentence in Taishet, and for a while she worked with a traveling group of entertainers and propagandists. She was free in 1955 and searched for her husband, but he was married to someone else. They corresponded with each other, but their good relations soon came to an end.

«Tonya 'the secret-service agent»

Tonya Trofimova when she became acquainted with the British soldiers was forced by the NKVD people to sign a paper saying that she was a secret agent of the British Intelligence Service and promised to work for them. Later, due to her thoughtlessness she was caught stealing and was sent to prison in 1946. There she gave away all the names of her former friends - girls with whom she used to visit Inter Club, and she agreed to work for NKVD (People's Commissariat of Home Affairs). Nevertheless, she still had to serve her 10 year sentence in Norilsk. She had never visited Arkhangelsk since then and to her death.

«The city of Glasgow, the ancestors' land»

Kapitolina Panfilova, a daughter of a sea captain (his name was given to one of the raw materials carriers and was entered into the Sea Encyclopedic Dictionary) used to go out with Tom McDamm, a radioman of the British Mission, since 1943. They were going to be married, but failed. She gave birth to a son, Steve (Stepan). Kapitolina was forced to worked for NKVD, but after Tom left the country, in October 1945 she was sentenced to prison in accordance with Article 182 and was sent to Krasnoyarsk (Siberia) Region. She served 3 years of her sentence and never married again. She kept silence about her affair with Tom. Tom was dead by the time the author found his family. Stepan's cousin

Graham He invited both Kapitolina Fedorovna and Stepan to the UK, they visited Toms grave.

«Valentina Iyevleva's one hundred British soldiers»:

Valentina Iyevleva is a great great granddaughter of Peter the Great's comrade-in-arms Silvestre Petrovich Iyevlev, who in 1702 built a shipyard in Solombala, Arkhangelsk), a daughter of a «people's enemy», her father was executed in 1937. At 15 she used to dance at the Inter-Club. Her first love was Bell Rowgraft, but he soon left Then she had hundreds of love affairs. In 1946 she was arrested and sentenced to 6 years of labour camps in Salekhard, they built a 'dead railway' there. She played at the music and drama theatre in Salekhard. After serving her sentence she came to live at a distance of 101 kilometer from Moscow (they were prohibited to live nearer to the capital) She played more than 20 episodes in Soviet films by Mosfilm Company She wrote a book called 'Uncombed life' (Topsy-turvy life)

«A ring that came from the year 1943»

This story knots all the rest The Author has found the ex lover of Bill Lowes, Zina Kuznetsova, after six years of painstaking search. They met after 59 years of parting Each of the stories of young and tragic love in the book actually started with the searches done for Bill Lowes, later he helped a lot in the tracing other heroes of these stories.

Translated by Tatiana Klushina

СОДЕРЖАНИЕ

Осколки судеб 5
Почта сержанта Билла 9
Страсти вокруг интерклубов 27
Little Вера и Яша 49
Лорд с берегов Двины 61
Сто англичан Валентины Иевлевой 85
Питер + Людмила = разлука 101
«Разведчица» Тоня 115
Земля предков – город Глазго 127
Слезы военной любви 143
Против попутая с фонариком 157
Морское Зазеркалье 169
Колечко из 1943 года 183
Summary 200

Ольга Голубцова

ЛЮБОВЬ ПО ЛЕНД-ЛИЗУ

Документальная повесть

Несмотря на то, что все эпизоды книги базируются на документальных данных, имена и фамилии некоторых действующих лиц в силу объективных причин изменены.

Книга выходит в авторской редакции

Перевод с английского документов, писем и стихов: *Татьяна Клушина, Сергей Журавлев и Галина Чарупа*

Фото и фоторепродукции из архива автора и героев книги

Фото на обложке: *Владимир Ларионов*

Помощь в организации фотосъемки: руководитель ансамбля бального танца «Эос» *Нина Витковская*

Группа технической поддержки: *Ирина Кошелева, Наталия Голубцова, Дмитрий Руденко, Галина Зыкина, Андрей Белозерцев, Анелия Витковская, Сергей Скородинский*

Дизайн и верстка: *Александр Бобров*

Корректура: *Светлана Калинина, Надежда Низовцева*

Технический редактор: *Людмила Никифорова*

Сдано в печать 20.11.2006. Формат 84×108 1/32. Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Minion Pro. Печ.л. 6,5+0,5 вкл. Тираж 1000 экз. Заказ 1390

ОАО «ИПП «Правда Севера», 163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32,
тел./факс (8182) 64-14-54, тел. (8182) 65-37-65, 65-38-78,
e-mail: zakaz@ippps.ru, http://www.ippps.ru

КРАТКАЯ СПРАВКА ОБ АВТОРЕ

Ольга Валентиновна Голубцова родилась и выросла в г. Северодвинске. Окончила Санкт-Петербургский университет, факультет журналистики. В редакции северодвинской городской газеты «Северный рабочий» прошла путь от корреспондента до заместителя директора. Работала редактором общественно-публицистического журнала Северо-Западного региона РФ «Триумфальная арка». В настоящее время редактор журнала «Centerum». Сотрудничает с рядом российских и зарубежных изданий как free lancer.

Автор книг «Русская жена «убийцы» президента» (1993), «Карусель впечатлений» (1994), «Военная любовь по-английски» (2000, 2001). Редактор-составитель сборников «Жизнь на виду» (2003), «Факультет» (2004, «Поморское землячество в Москве» (2005). Постоянный автор журнала «Профессия – журналист». Занимается научной работой, работает над кандидатской диссертацией (тема – историческое журналистское расследование). Имеет опубликованные в научных сборниках работы по теории и практике журналистского расследования. Член Союза журналистов России. Член Международной ассоциации писателей.

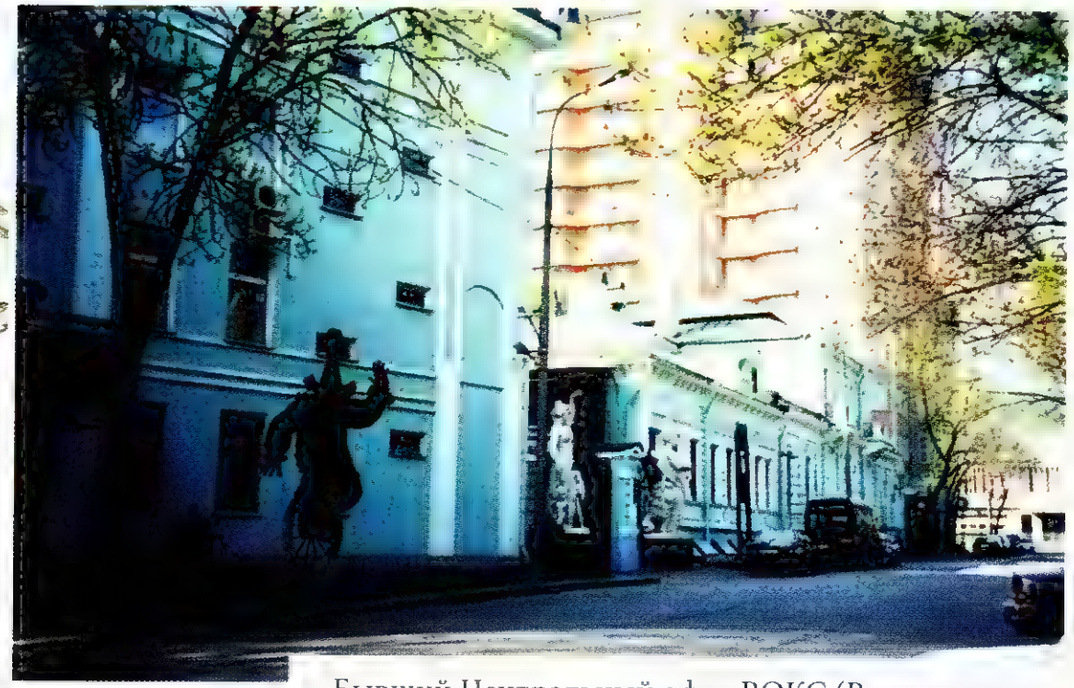
A FEW WORDS ABOUT AUTHOR

The author, Olga Golubtsova, was born and grew up in Severodvinsk. She graduated from St. Petersburg State University and now works as a journalist on the editorial staff of the newspaper «The Northern Worker». Her other books are «The Russian Wife of the President's Murderer» (about Marina Oswald, born in Severodvinsk, who was the wife of Lee Harvey Oswald) and «Merry go round of Impressions». Olga Golubtsova is also an academic and is currently preparing to defend her thesis on the theme, «Investigative journalism». She is a member of the Journalists Union of Russia, of International Association of Writers; a participant of numerous international conferences. She has edited and compiled five collections, including a biographical handbook "Pomorskoye Zemlyachenstvo v Moskve" (Moscow Association of People From the Pomor Land), (400 pages, 2005). Olga Golubtsova received a "Golden Gong-2000" Diploma in the All Russia Competition, she is a laureate of the Journalist Prize of the Governor of the Arkhangelsk Region (2003). She was awarded with a memorial badge of rank "300 years of the Russian Journalism"(2002), with Charters of the Journalists Union of Russia, of the Severodvinsk City Administration, of the Arkhangelsk Region Government.

E-mail: golova@severodvinsk.ru
olga_golubtsova@mail.ru
Internet site: www.golubtsova.arh.ru

Искренне признательна за поддержку проекта и издание этой книги директору О.Ю. «ИПП «Правда Севера» Екатерине Николаевне Смоловой и коллективу издательства. Благодарю за помощь и содействие в поиске 1993–1996 годов сотрудников регионального УФСБ по Архангельской области В.В. Сапыгеву, Г.Г. Быкова и В.В. Клемушина, а также всех, кто откликнулся и поделился воспоминаниями, документами военной поры и фотодокументами.

Ольга Голубцова

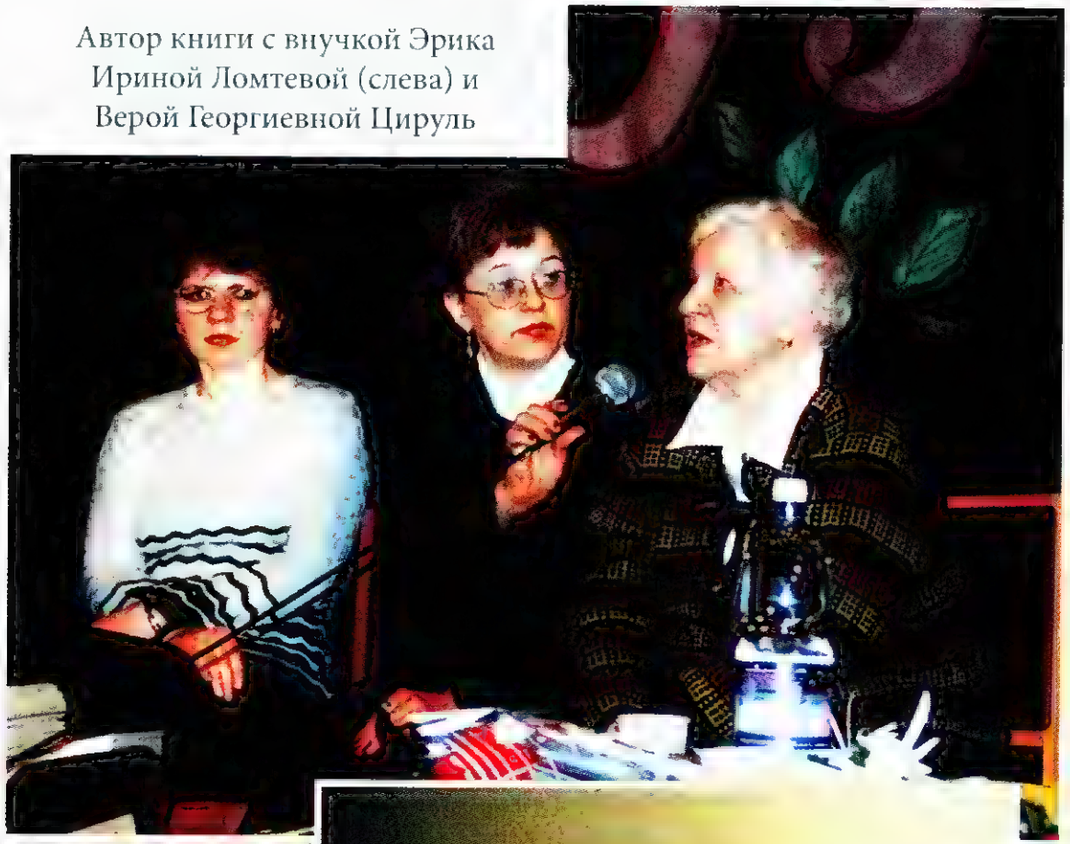


Бывший Центральный офис ВОКС (Всесоюзного общества культурных связей с иностранцами), г. Москва, ул. Большая Грузинская, дом 17 – сейчас здесь располагается творческая мастерская художника Зураба Церетели

Жена директора Мурманского интерклуба Мария Леонтьевна Курт с дочерью Рогнедой, г. Санкт-Петербург, 2002 г.

Анна Ивановна Тюляпина, бывший главный бухгалтер гостиницы «Интурист» в Мурманске

Бывший кассир Мурманского интерклуба Мария Михайловна Вологдина, г. Пушкин, 2002 г.



Автор книги с внучкой Эрика Ириной Ломтевой (слева) и Верой Георгиевной Цируль

Билл Лоуз с внучкой Эрика Ириной

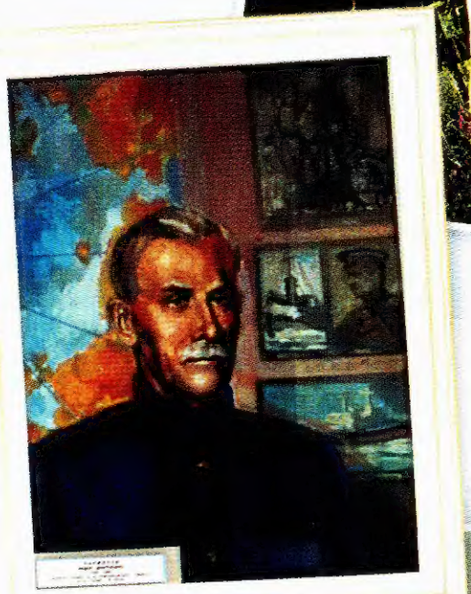
101 км (пос. Струнино) из окна поезда

Валентина Григорьевна Иевлева

Валентина Григорьевна Иевлева с ГУЛАГовским чемоданчиком: скатерть вологодского кружева сплетена ею в Магадане, поселок Струнино, 2002 г.

Людмила Михайловна Сквайр со своим любимым котом в Доме ветеранов сцены, г. Санкт-Петербург, 2002 г.

Грем на даче с любимой тетушкой Капитолиной



Портрет капитана Панфилова в Мурманском краеведческом музее

Степан и Капитолина Федоровна с детьми Грема в лондонском пабе 19 ноября 2002 г.

Грем и Джин (справа) в гостях у Панфиловых в Архангельске, январь 2007 г.

Героини повести (слева направо): К.Ф. Панфилова, В.Г. Цируль и Е.И. Иванова на презентации книги Ольги Голубцовой «Военная любовь по-английски», 2000 г.

Юлия Павловна Петрова,
Архангельск, 2005 г.

Юлия Павловна Петрова
при полном параде
с северодвинскими
таможенниками, 2005 г.

Зинаида Алексеевна и
Билл Лоуз

Через 60 лет:
моменты встречи

Плохих объятий
не бывает!

Дочь Билла Лоуза – Виктория (справа) с внуками принимает гостей – Ольгу Голубцову и Галину Зыкину (дочь Зины Кузнецовой), Англия, апрель 2006 г.

Вспомним годы молодые?
Архангельск, лето 2004 г.